



СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY



А. А. Рудаков

Парные юридические категории

теория прав и обязанностей

монография

Права как юридическая категория

Обязанности как юридическая категория

Значение прав и юридических обязанностей

Общее, особенное и взаимодействие прав
и обязанностей



• ПРОСПЕКТ •

МОНОГРАФИЯ МОНОГРАФИЯ МОНОГРАФИЯ МОНОГРАФИЯ МОНОГРАФИЯ

Алексей Рудаков

**Парные юридические
категории: теория прав и
обязанностей. Монография**

«Проспект»

Рудаков А. А.

Парные юридические категории: теория прав и обязанностей.
Монография / А. А. Рудаков — «Прспект»,

ISBN 978-5-39-217542-0

Монография посвящена исследованию категориального метода познания феноменов государства и права. Используется диалектический системный подход, при помощи которого рассматривается динамика взаимодействия юридических категорий, выявляются их свойства, не найденные при изучении статического состояния, выстраивается система юридических категорий. Демонстрируются особенности парных юридических категорий, фиксирующих внутренние и внешние связи между отдельными государственно-правовыми явлениями, их противоположности, переходы и единство. Особое внимание в работе уделяется исследованию с позиций человеческого измерения прав и обязанностей в качестве ключевых парных категорий юриспруденции. Данная монография адресована научным и педагогическим работникам, аспирантам и студентам юридических и философских специальностей, практикующим юристам, а также всем заинтересованным читателям.

ISBN 978-5-39-217542-0

© Рудаков А. А.
© Прспект

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| А. А. Рудаков | 5 |
| Предисловие | 6 |
| Глава первая | 12 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 43 |

А. А. Рудаков
Парные юридические категории
теория прав и обязанностей
Монография



[битая ссылка] ebooks@prospekt.org

Предисловие

Стремление человека совершенствовать самого себя и окружающую его природу старо как мир. Видимо, это желание предопределено генетически. Ведь человеческое общежитие постоянно, с самого начала своего развития и до сегодняшних дней, усложнялось (не исключая, конечно, застои в развитии и даже временную регрессивную динамику). Вместе с усложняющимися общественными отношениями изменяются и социальные институты, их опосредующие, важнейшим из которых является право.

Феномен права тысячелетиями входит в сферу научных интересов многих ученых. Современные учения о праве исходят из презумпции целостности, многогранности, сложной структурированности и динамичности этого явления. При этом во многих работах в качестве метода познания права используется его категориальный анализ (категориальный метод), т. е. учение о категориях, их природе и области применения.

Это вполне обоснованно, ведь, как верно отметила Л.П. Ануфриева, «познание позитивного права в научном плане происходит благодаря разложению явлений объективного мира на составляющие, соединению и разъединению, разгруппированию и повторному группированию на основе других критериев, элементов, формирующих науку»¹. Такими элементами в юриспруденции выступают правовые категории.

Несмотря на очевидность приведенного высказывания, в литературе мнения о роли юридических категорий в системе правовых знаний весьма разноречивы. Наиболее остро поставлен вопрос об оценке методологического значения общих (универсальных) юридических категорий, т. е. тех, которые в одинаковой мере распространяемы на все юридические науки и наиболее полно и абстрактно отражают процессы и явления, изучаемые этими науками.

С.С. Алексеев исследовал три основных пути разрешения данного вопроса: во-первых, отрицание такого значения юридических категорий; во-вторых, относительное признание за ними такого значения (т. к. они выражают философское содержание правоведения, являются конкретизацией философских категорий); в-третьих, признание за ними самостоятельного методологического значения в пределах правоведения².

Сегодня первая точка зрения, видимо, уже навсегда утратила свои позиции. Вряд ли найдется хоть один ученый, вообще отрицающий значение общих юридических категорий для правовой науки и практики.

Второй подход отстаивался самим С.С. Алексеевым: «Общие понятия юридической науки постольку имеют методологическое значение, поскольку они являются выражением применительно к данному конкретному фактическому материалу философских законов и категорий»³.

Разделял взгляды С.С. Алексеева и В.П. Казимирчук, считая, что значение правовых категорий как средств теоретического выражения государственно-правовой действительности условно, потому что сами эти правовые категории – это своеобразная конкретизация и модификация философских категорий⁴.

Третий подход, предполагающий признание самостоятельного значения для правовой науки общих юридических категорий, представляется нам наиболее обоснованным. В разное время он отстаивался такими учеными, как С.Н. Братусь, П.Е. Недбайло, А.М. Васильев.

По мнению С.Н. Братуся, положение о том, что правовые категории являются содержательными понятиями, отражающими сущность государства и права как реальных социальных явлений, как раз и служит основанием признания их основополагающими для всех юридических дисциплин⁵.

П.Е. Недбайло, отождествляя общие юридические категории с понятиями теории государства и права, полагал, что последние имеют руководящее значение для всех юридических наук потому, что она (теория) выступает как «теория особых закономерностей государства и права – общих, основных и наиболее существенных – теория своего предмета»⁶.

К выводу о самостоятельном значении юридических категорий приходит в своей работе А.М. Васильев: «Построение системы правовых категорий не самоцель, а одно из средств движения правовой теории к новым результатам в познании. В том случае, если теоретическая система правильно выражает существенное, необходимое, закономерное в праве, с ее помощью обнаруживаются пробелы в теории, устанавливаются тенденции в познании предмета. Только в системе юридических категорий результаты правовых исследований могут быть отражены и представлены во всей полноте и наглядности, а следовательно, установлены и тенденции направлений дальнейшего познания»⁷. Похожие выводы делаются и другими учеными⁸.

В общем виде значение категориального метода в юриспруденции (построения системы юридических категорий) мы видим в следующем: использование категориального метода способствует объединению знаний о государстве и праве, расчлененных в специальных юридических науках, позволяет подняться над множеством мнений, подходов, теоретически воссоздать их общую картину и тем самым содействовать целостности познавательной деятельности во всех областях юридической науки.

Категориальный аппарат юриспруденции выражает и подытоживает полученные знания о государстве и праве. Именно он придает качественную определенность правовому научно-теоретическому мышлению, фиксирует структуру фундаментальных знаний о праве и логику их развития, проявляющуюся в формировании, связях и системе основных юридических категорий.

Юридические категории участвуют в перемещении знаний из сферы одной юридической науки в сферу другой. Правовые понятия, первоначально разработанные в одной из специальных юридических наук и трансформировавшиеся благодаря своей общенаучной значимости в категории, распространяются и на другие правовые науки.

Использование категориального метода способствует совершенствованию инструментария научных исследований; восполнению пробелов в системе юридического знания; укреплению философских и гносеологических основ процесса правового регулирования, формирования правопорядка.

Кроме того, от степени разработанности юридических категорий, их системы, от умения оперировать ими на уровне диалектической и формальной логики во многом зависят доказательность и практическая отдача правовых научных знаний. Следовательно, использование категориального метода исследования правовых явлений без преувеличения имеет и прикладное значение.

Вот почему следует, на наш взгляд, согласиться с А.М. Васильевым в том, что правовые категории могут составить свой самостоятельный предмет изучения в юридической науке, могут быть вычленены из числа других теоретических проблем правоведения⁹. Профессиональная установка и опыт вырабатывают у юристов навыки принятия однозначных решений, применения одних и тех же юридических формул. Диалектика же требует оперирования живыми, подвижными, текучими понятиями, определение которых устойчиво только в пределах установленной связи и только на данный момент. На эту трудность, с которой сталкивается как научно-теоретическое, так и научно-практическое правовое мышление, особенно когда рассматривается его категориальный аппарат, нельзя, конечно, закрывать глаза, поскольку речь идет о профессионально сложившемся подходе к понятийным формулам. Напротив, чтобы преодолеть такую трудность, ее надо осмыслить, понять и действовать в дальнейшем на этой основе со знанием дела¹⁰.

В указанном противоречии, видимо, следует искать корни некоторых однозначных решений, которые отстаиваются в правоведении.

Большинство научных работ, обогащающих категориальный аппарат юриспруденции, посвящено отдельным юридическим понятиям¹¹.

Ценность такого подхода заключается в том, что он позволяет досконально разобраться в сущности изучаемого явления, определить его свойства, структуру, провести классификационный анализ. Правовое явление рассматривается здесь как бы в срезе, в статике.

Однако признание государства и права сложно структурированными образованиями требует от исследователей установить все многообразие связей государственно-правовых явлений: как внутренних, так и внешних, их движения. И здесь, на наш взгляд, может быть эффективно использован диалектический системный подход в познании, который позволит рассмотреть динамику взаимодействия юридических категорий, выявить их отдельные особенности, не найденные при изучении их статического состояния, построить систему юридических категорий.

Такая система отражает представления о государственно-правовой организации общества как о целостном образовании. Целое не сводимо к совокупности частей, в нем только различаются части, в каждом из которых действует целое. Этот постулат был провозглашен в рамках так называемого холистического учения в первой половине XX столетия¹². Государство и право как системные объекты способны образовывать системные свойства, качественно отличные от исходных свойств его подсистем (отдельных частей). Поэтому познать государственно-правовую организацию общества, только описывая свойства его составных частей, невозможно. Применительно к праву эта проблема неоднократно поднималась нами в работах, посвященных юридической синергетике¹³.

Особо нужно отметить, что формой целостности государства и права выступает парность составляющих его категорий. Именно парные явления и процессы позволяют государству и праву образовывать качественно новые свойства, не сводимые к свойствам отдельных государственно-правовых явлений, входящих в него.

Исторические условия и противоречивость процесса познания движения государства и права акцентируют внимание науки на тех или иных их сторонах, но цельное представление о их самодвижении складывается на базе синтеза представлений о всех их сторонах, об их необходимом единстве. И в этой связи нам представляется, что разработка проблемы парных юридических категорий необходима для выражения и фиксации движения в государстве и праве, необходимого единства всех их граней, познании государства и права как особой системы.

Парными юридическими категориями фиксируются особые внутренние и внешние связи между отдельными государственно-правовыми явлениями, их противоположности, переходы и единство. Вот почему так важно исследовать общие свойства парных юридических категорий, выявить их системный характер. Это позволит открыть новые грани не только изучаемых парных юридических категорий, но и государственно-правовой организации общества как целостного системного явления.

Исследование парных юридических категорий – это выражение диалектики в отношениях между изучаемыми правовыми явлениями. Диалектическое положение о том, что «познание всех процессов и явлений есть познание их как единства и борьбы противоположностей», определяет методологический подход к изучению парных правовых категорий. Поэтому исследование процессов, отношений, связей, явлений государственно-правовой организации общества необходимо подводит юридическую науку к потребности выразить конкретное единство противоположностей в государственно-правовых явлениях определенными парными правовыми категориями.

Обозначенные вопросы на современном этапе можно назвать одними из мало разработанных. Ни в царской, ни в советской России практически не было исследований, посвященных

категориальному методу, не изучалась диалектика парных юридических категорий. Исключение, пожалуй, составляет лишь опубликованная 1976 г. работа А.М. Васильева, посвященная юридическим категориям¹⁴. Однако и в ней проблематике парности почти не уделяется внимания. В разное время ученые обращали внимание на отдельные юридические категории¹⁵. В результате таких исследований было достигнуто единство по ряду дискуссионных вопросов.

Но, к сожалению, как ранее, так и сегодня правовые явления продолжают чаще всего рассматриваться учеными лишь в отдельности (вне системного подхода), не отражая в полной степени особенностей их диалектического взаимодействия как парных юридических категорий (даже если применительно к отдельным правовым явлениям используется термин «пара», «парность», «парные»).

Отдельные аспекты парности юридических категорий были исследованы в работах В.М. Сырых «Логические основания права», А.В. Малько «Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект», В.В. Ныркова «Поощрение и наказание как парные юридические категории»¹⁶, а также некоторых других приведенных нами работах.

Вплоть до начала XXI века в научных трудах преобладал так называемый государствоцентристский подход к правопониманию, который, в силу своей узости, ограничивал возможности исследования феноменов государства и права вообще, и парных юридических категорий в частности (этот подход, например, применен в указанной работе А.М. Васильева).

Теперь же с использованием системного метода появилась возможность обратиться к исследованию динамики существования правовых явлений в их взаимосвязи, движении, рассмотреть свойства парных юридических категорий с позиций идей все более принимаемого учеными человекоцентристского подхода к правопониманию (права в человеческом измерении), основоположниками которого выступили С.С. Алексеев и В.М. Шафиров¹⁷.

В настоящей работе мы обосновываем преимущество рассмотрения парных юридических категорий вместе в их взаимосвязи. Особое внимание уделяется рассмотрению с позиций человеческого измерения прав и обязанностей как парных юридических категорий. Выбор этих категорий не случаен, а обусловлен их фундаментальностью, значимостью в юридической науке.

Права и обязанности являются ключевыми категориями юридической науки. Исследование проблематики прав и обязанностей позволяет увидеть диалектические особенности феноменов права, правового регулирования, нормы права, правоотношения, реализации и применения права, законности, правопорядка и др. Общетеоретическая значимость этих категорий объясняется также и тем, что права и обязанности представляют собой неотъемлемое свойство личности, играют особую роль в жизни каждого человека.

Понятия прав и обязанностей используются во всех юридических науках и отраслях права. В любой отрасли права можно обнаружить такие проявления прав и обязанностей, как «право на жизнь», «право на имя», «право на благоприятную окружающую среду», «обязанность возмещения вреда», «обязанность исполнения судебного решения», «обязанность уплаты налогов и сборов» и т. п. Причину этого, полагаем, нужно искать в самой природе прав и обязанностей как воплощении начал инициативности, творчества, организованности и дисциплины.

Конституция РФ провозгласила права и свободы человека и гражданина высшей ценностью, признала их прямое и непосредственное действие. Законодательно закреплена особая ценность автономной независимой личности, переосмыслена ее социальная миссия. Менее четко сформулированы место и роль обязанностей. Такой дисбаланс в нормативном закреплении прав и обязанностей не учитывает особенностей их диалектического взаимодействия, что не могло не сказаться на сохранении старых и появлении новых проблем как на уровне

восприятия прав и обязанностей, их научного описания, так и на уровне их практической реализации. Среди этих проблем:

- попытки отождествления прав и обязанностей, формирования представлений о праве как о должном (общеобязательном) явлении;
- создание норм, носящих одновременно возможный и должный характер, неясность в толковании и применении таких норм;
- отсутствие баланса в законодательстве между правами и обязанностями, наделение субъектов правами без возложения на них корреспондирующих обязанностей;
- неразвитость юридической техники, помещение юридических обязанностей в статьи, посвященные правам, и наоборот;
- недостаточный уровень развития правового сознания и правовой культуры граждан, неумение воспользоваться своими правами, игнорирование обязанностей, и др.

Обозначенные проблемы требуют не только расширения возможностей человека, предоставления ему средств для проявления инициативы и творчества, но и установления более четких границ допустимого поведения, баланса между правами и обязанностями, формирования представлений о правах и обязанностях как о самостоятельных и в то же время связанных между собой парных категориях, совершенствования способов, методов законодательного закрепления прав и обязанностей, практики их реализации.

Именно поэтому важно исследовать права и обязанности вместе, как парные категории, показать их признаки как юридических явлений, особенности содержания и значения в правовой системе, их виды, общие свойства, отличия и способы взаимодействия.

Общая теория государства и права позволяет с использованием широкого спектра познавательных возможностей выработать целостное видение рассматриваемых правовых явлений, которое должно быть отправным для решения отраслевых проблем, связанных с установлением и реализацией прав и обязанностей.

В работе права и обязанности исследуются не только в качестве явлений окружающей нас действительности (т. е. как объективно существующие в формальных источниках права), но и как субъективное свойство личности. Анализируются внутренние и внешние связи прав и обязанностей, их движение и развитие. На основе проведенного исследования формулируются и описываются отражающие их в юриспруденции категории, обосновывается их парный характер.

В рамках юридической науки, полагаем, это важно в первую очередь в общетеоретическом и методологическом плане. Для практики – в плане повышения эффективности правового регулирования, обеспечения наиболее полной реализации нормативно-регулятивных средств, содержащих права и обязанности, избегания ошибок в толковании и применении права, обеспечения уважения к праву в обществе.

Для достижения этих целей мы постарались сформировать системные представления о свойствах юридических категориях, разработали классификации юридических категорий, описали их систему и парные свойства. Кроме того, в работе мы попробовали преодолеть негативное влияние государствоцентристского подхода к правопониманию на формирование представлений о правах и обязанностях; с позиций человеческого измерения раскрыть существенные признаки прав и обязанностей, характеризующие их как объективно-субъективные явления; исследовать содержание прав и обязанностей в объективном праве, а также субъективных прав и обязанностей; под углом зрения человеческого измерения осветить роль прав и обязанностей в системе правового регулирования, их виды; проанализировать проблемы соотношения (общее, особенное, абсолютизация, взаимодействие) прав и обязанностей как парных юридических категорий.

Работа не претендует на решение в полной мере всех проблем системы категорий юриспруденции. При обосновании основных категориальных зависимостей прав и юридических

обязанностей намечены наиболее важные контуры, что предполагает возможность проведения дальнейших исследований.

Глава первая

Общая характеристика юридических категорий

§ 1. Категории. Категориальный метод. Категориальные связи

Слово «категория» давно получило в науке всеобщее распространение. Возникнув сначала в сфере философского знания, оно затем проникло и в другие области как теоретического, так и практического освоения мира.

Обычно категорию связывают с одной из форм мыслительной деятельности человека, заключающейся в отражении определенных свойств предметов, явлений и процессов объективного мира, называя ее основной, ведущей формой. Однако в логике и философии нет однозначного мнения относительно того, какая форма движения мысли является исходной в структуре человеческого мышления.

Ф. Диндс, Г. Гегель, И.Ф. Герbart, Э. Кассирер, А.М. Плотников, В.И. Чичерин и др. главной, основной логической формой считали понятие, А.И. Веденский, В. Виндельбанд, Х. Зигварт, И. Кант, А. Тренделенбург и др. – суждение, Г. Брэдли, В. Вундт, С. Джевонс, Д.И. Милль, С.И. Поварнин и др. – умозаключение.

В качестве отправной точки нашего исследования считаем необходимым, во-первых, определить, являются ли категории самостоятельной формой мышления или представляют собой своеобразное воплощение одной из названных форм, а во-вторых, определить место категорий в структуре мышления, выявить их значение.

Отметим сразу, что расхождения в приведенных точках зрения объясняется не тем, что названные авторы больше исследовали ту или иную форму движения мысли и в силу этого увидели в ней преимущества перед другими. Дело в том, что понятия, суждения и умозаключения играют различную роль в мышлении в зависимости от того, на какой ступени своего развития оно находится.

В логике понятие употребляется в двух значениях: в смысле формы постижения сущности явлений, отражения всеобщего и существенного в предметах; в смысле части суждения¹⁸.

Понятие – это прежде всего форма мышления, состоящая в выделении определенных признаков и отражении соответствующих элементов, сторон и свойств данного предмета, явления, процесса. Х. Зигварт называл понятием «представление, содержащее в себе требование постоянности, совершенной определенности, всеобщего признания, однозначного языкового выражения»¹⁹.

Суждение – высказывание в форме предложения, с помощью которого связываются несколько понятий. В суждении мысль выкристаллизовывается. Суждение соотносит понятие с предметом (обычно с помощью связки «есть»). Внутренним неотъемлемым качеством суждения является то, что оно включает в себе связь с содержанием всех возможных субъектов познания, всех возможных положений вещей и необходимых условий.

Умозаключение – формально-логический прием, состоящий в мысленном выводе из нескольких суждений, предпосылок или посылок одного суждения – вывода²⁰.

Таким образом, даже самая общая характеристика названных форм мышления позволяет сделать вывод о тесной связи категорий именно с понятиями. Это внутренняя мыслительная деятельность и ее результат по формированию представлений об окружающем нас мире.

Категории отражают предметы, явления, процессы объективной среды, концентрируя в себе их существенные признаки. Отражают – не значит содержат. Реальные свойства объектов не зря называют предметом научного отражения. Речь идет о существенных объективных свойствах явлений. Это, по словам О.А. Красавчикова, то, из чего состоит (из чего составля-

ется) само явление, но не мыслительные (субъективные) признаки, которые заполняют содержание соответствующего понятия²¹.

Процесс формирования категорий – это, в первую очередь, активная мыслительная деятельность. Категории формулируются человеком путем усилия воли. Весьма спорно, на наш взгляд, мнение А.Н. Книгина, утверждающего, что категории существуют объективно и как форма абстрактного мышления могут использоваться неосознанно:

«Во-первых, полностью неосознаваемым образом. Это имеет место тогда, когда в языке индивида отсутствуют слова, обозначающие категории. Например ребенок не знает слова «причина», что не мешает ему спрашивать «почему?» и говорить «потому что». Это значит, что категория причины объективно налична как структурный элемент сознания, но субъективно ребенок ее не фиксирует.

Во-вторых, полурефлексивно. Он имеет место тогда, когда у человека есть слова, обозначающие категории, и он их более или менее регулярно и уверенно использует, но никогда не размышлял специально над их смыслом, сознательно не выработал его для себя, пользуется смыслом, стихийно сложившимся в процессе языкового общения.

В-третьих, рефлексивный, полностью осознанный. Он имеет место, когда смыслы слов, обозначающих категории, сформированы сознательно (в процессе изучения философии или посредством собственных систематических размышлений)»²².

Из приведенных автором примеров, о категориях речь идет лишь в последнем. Здесь появление (формулирование) категории – это результат сознательной и волевой абстрактной мыслительной деятельности человека. В этом смысле любая категория – явление отчасти субъективное, поскольку представляет собой не саму систему реальных свойств предметов и явлений, существующих в окружающем нас мире, а проекцию этих свойств в сознании человека, их выявление и описание.

Интересным, но спорным представляется приведенный пример неосознанного употребления некоторых терминов. Американский психолингвист Наум Хомский считал, что когнитивные структуры человека являются врожденными. Более того, сегодня некоторые исследователи не считают процесс формирования и использования понятий монополией человека, допуская способности животных (особенно приматов) к абстрактному мышлению.

Однако нужно учитывать, что неосознанное употребление термина может представлять собой лишь описание конкретных предметов и не являться формой абстрактного мышления. От того, например, что ребенок, показывая на два похожих по форме предмета, говорит: «стол», не следует вывод, что он осознает понятие стола как предмета мебели, выполняющего определенные функции. Более того, вполне вероятно, что если этому ребенку показать третий предмет, тоже являющийся столом, но немного отличающийся от предыдущих по форме или, скажем, по цвету, то столом он его вовсе не назовет. А следовательно, употребление применительно к первым двум предметам термина «стол» означало только то, что ребенок связывал это слово именно с этими конкретными предметами, что, конечно, не может служить подтверждением абстрактного мышления.

Неудачным, похоже, является и пример с полурефлексивным использованием категорий, поскольку в данном случае человек заимствует смыслы слов, уже сформулированные до него. Это не означает, что используемая категория существует вне человеческого сознания. Напротив, свойства, отражаемые категорией, были выявлены и описаны другими людьми. Чтобы использовать категории в процессе общения, обывателю не обязательно точно знать все отраженные в ней свойства предмета, явления, но это не значит, что этих свойств нет вовсе.

Кроме того, нельзя, на наш взгляд, ставить знак равенства между использованием простейших понятий и категорий. Тесная связь последних отнюдь не предполагает их отождествления. Особенности категориальной формы мышления столь значимы, что позволяют рассматривать категории в качестве самостоятельной формы движения мысли.

В литературе описывается механизм формулирования категорий, подчеркивающий некоторые из этих особенностей. Так, Г.Д. Левин отмечает: «Внимание человека, начинающего познавать окружающий мир, сначала было направлено на предметы, сравнимые с человеком по размерам, на макропредметы: именно от них в первую очередь зависела его жизнь. Затем познание стало двигаться в трех направлениях.

Первое направление исследования – это объединение макропредметов в относительно целостные системы, этих систем в новые системы и т. д. Это синтез. Он представляет собой движение от макромира к мегамиру. Естественно возникает вопрос, а что в пределе этого движения? Попытки философов ответить на него породили целый комплекс философских категорий: «универсум», «мир», «Вселенная», «бытие», «сущее»...

Второе направление исследования диаметрально противоположно первому. Это мысленное разложение макрообъектов на части, части этих частей и т. п. Этот познавательный процесс называют анализом. Он ведет от макрообъектов к объектам все меньших размеров и в пределе – к микрообъектам...

Третье направление исследования, порождающее третий тип философских категорий, принципиально отличное и от анализа, и от синтеза. Это обобщение. <...> Рассуждая чисто умозрительно, можно сделать вывод, что для использования результатов анализа и синтеза в практических действиях с другими предметами эти процедуры нужно повторять с каждым из них. Обобщение избавляет от этого. Эта познавательная процедура состоит из двух частей: сначала в исследуемом предмете выделяется признак, представляющий практический или познавательный интерес, а затем этот предмет сравнивается с другими предметами по наличию или отсутствию этого признака. В итоге выделяются классы предметов, сходных по исследуемому признаку. Третий класс категорий, состоящий из предельных продуктов, – обобщения».²³

Таким образом, к числу особенностей категорий как самостоятельной формы мыслительной деятельности может быть отнесена их способность обобщать, т. е. отражать общие свойства предметов и явлений. Общее применительно к категориям имеет два смысла: количественная общность и целостность. Первая означает такую определенность, которая получена путем абстрагирования от многих изолированных вещей одного сходного признака. Таким образом, отдельный признак является общим потому, что относится ко многим вещам.

М.А. Булатов описывает механизм такого абстрагирования отдельных признаков явлений в категории. «Во-первых, она обобщает их, соединяет в совокупности, классы либо группы в соответствии с тем признаком или определенностью, которая выделяется во всех них. Здесь категория действует синтетическим или объединяющим образом. Во-вторых, она анализирует или расчленяет действительность вследствие того, что разным категориям будут соответствовать различные группы или совокупности вещей. Если у нас, например, полный набор необходимых цветовых категорий, то с их помощью мы можем расчленить все подлежащие категоризации предметы на группы или совокупности («красных», «зеленых» и иных) предметов»²⁴.

Второй смысл – общее как целое. Если в первом виде общего вещи, от которых абстрагируется признак, самостоятельны и изолированы, то во втором они находятся в связи, образуют части некоторого целостного образования.

Таким образом, категория – это общее, которое находится в отношении к отдельным вещам или к целому.

А. М. Васильев справедливо замечает, что «категориальное обобщение есть прежде всего диалектическая обработка материала, при которой обнаруживаются внутренне необходимые и существенные свойства правовых явлений и процессов, общее раскрывается в особенном, отдельном, частном, богатство отдельного включается в общее. Уплотняя юридические знания, правовые категории воспроизводят стороны и моменты правовой действительности в «чистом»

от случайных проявлений виде. Благодаря этому они выражают объективно необходимое и существенное в праве – его сущность, качество, структуру, форму и т. д.»²⁵

Общность (способность к обобщению) – существенная, но не единственная особенность категорий. Другая черта связана с областью их применения. В философской литературе высказывалось мнение, что в ряде случаев использование термина «категория» прямо или косвенно ограничивается лишь сферой философии. Так, М.И. Конкин, анализируя термины «понятие» и «категория», пишет: «Различие в том, что понятия, как форма логического мышления, имеют «права гражданства» в любой конкретной науке. Категория – те же понятия без этого права гражданства»²⁶ Иными словами, категории признаются формой только философского познания, но не частнонаучного, в сфере которого якобы правомерно говорить лишь о понятиях.

С таким мнением мы не можем согласиться. Дело в том, что различные понятия в любой науке, как в философии, так и в специальных научных дисциплинах, неравноценны по своей значимости, по степени общности и важности обозначаемых явлений, а следовательно, и по своей роли в познании действительности.

Как справедливо отмечают В.С. Готт, Э.П. Семенюк, А.Д. Урсуп «критерием категориальности научных понятий выступает детерминированная потребностями общественной практики необходимость их использования для развития научного знания, фундаментальность их логико-гносеологической и методологической роли в познании, связанная с достаточно высоким уровнем обобщения в них явлений действительности, их свойств и отношений»²⁷.

Согласимся с указанными авторами в том, что основополагающие понятия специальных наук логично называть частнонаучными категориями, тем самым выделяя их из массы понятий частных наук. Им принадлежат отличительные особенности именно категориальной формы мышления. Это наиболее важные, фундаментальные приемы описания действительности в пределах своей области исследований.

Отнесение научных категорий только лишь к философскому знанию во многом обусловлено допущением, что сами категории, обобщая свойства отдельных объектов или формулируя признаки целого, далее не обобщаемы, т. е. предельны. Предельность – еще одна важная особенность научных категорий. В отличие от других общих понятий, имеющих возможность дальнейшего обобщения на пути от разновидности к виду, от вида к роду, и так далее, категория – это не обобщаемое понятие.

Высказывалось мнение, что научные категории только и представляют собой результат обобщения понятий. В.А. Образцов пишет: «Любая категория является результатом логической операции обобщения понятия»²⁸. Утверждение весьма спорное. Ведь категориальная форма мышления предполагает обобщение не понятий, а свойств предметов и явлений окружающей действительности. А значит, научная категория может осознаваться и формулироваться через непосредственное исследование объективной среды, минуя иные субъективные представления о предметах и явлениях.

Другое дело, что даже в этом случае в научной категории описываются такие свойства предмета и таким образом, что невозможно более абстрактное формулирование этих свойств в рамках данной системы знаний. Это и означает предельность научных категорий. Но, подчеркиваем, предельность в рамках данной системы знаний. Ведь наряду со всеобщими универсальными категориями философии существуют менее общие категории конкретных наук, являющиеся результатом творческого развития, интерпретации первых применительно к предметам конкретных наук.

Это отнюдь не означает, что наличие научной категории исключает возможность существования в рамках данной системы знаний менее абстрактных понятий. Напротив, будучи элементом составной части общенаучного категориального арсенала, категория конкретной науки в то же время может представлять собой многоуровневое системное образование. Ее

составными частями могут являться менее абстрактные понятия. Для включения в структуру научной категории таких понятий нужно удостовериться, что они сами не являются целостной системой родового порядка, не обобщаемой в ходе проводимого исследования.

Рассуждения о возможности использования научных категорий не только в философии, но и в отдельных науках совершенно логично привели к формированию особой группы категорий – «общенаучных». Так, Л.А. Петрушенко отмечает: «Возникла потребность в понятиях, которые были бы более общими, чем специальные, и менее общими, чем философские, т. е. были бы «промежуточным звеном» между философией и частными науками...»²⁹ Название этому формирующемуся типу категорий науки дала их важнейшая черта – их общенаучность, т. е. возможность эффективного употребления в разных областях знания.

Таким образом, научные категории определяют пределы нескольких систем научного знания, а именно философского, общенаучного и частнонаучного знания.

Все сказанное позволяет сформулировать общее определение научной категории, которое включало бы не только ее черты как формы человеческого мышления, но и выделяло бы ее из всех иных форм движения мысли, позволяло идентифицировать ее как самостоятельную часть научного знания.

Научная категория – это развитая форма абстрактного мышления человека, предельно отражающая и обобщающая существенные свойства и связи предметов, явлений и процессов объективного мира в виде содержательных образов, выполняющая логико-гносеологическую и методологическую функцию в познании окружающей действительности.

Именно это определение будет положено нами в основу дальнейшего исследования юридических категорий, установления их особенностей, видовых характеристик и системных связей.

В концентрированном виде оно содержит в себе существенные черты научной категории, к которым, на наш взгляд, могут быть отнесены следующие.

Во-первых, научная категория – это результат сознательной и волевой мыслительной деятельности человека. Такая деятельность носит ярко выраженный абстрактный характер, присуща только человеку. Результат этой деятельности – появление содержательного образа предмета, явления или процесса. Мы скептически относимся к домыслам о возможности объективного (вне человеческого сознания) существования категорий, равно как и к возможности использования категорий животными.

Во-вторых, категории отражают, описывают, формулируют существенные свойства и закономерности объективной среды. Сами свойства и закономерности предметов, явлений и процессов категориям не принадлежат. Научную категорию составляют признаки этих предметов и явлений, т. е. субъективно отраженные свойства и связи. Причем признаки должны быть существенны (т. е. отражать необходимые, устойчивые, объективные, повторяющиеся связи), а объекты отражения – наиболее значимы в рамках данной природной или социальной среды. Только существенные признаки предметов, явлений, включенные в категорию, позволяют отразить их в сознании наиболее точно. Это отнюдь не означает, что научная категория не способна описывать механизмы изменения окружающей нас природной, социальной или технической среды. Напротив, такие изменения важны, но только в том случае, если они направлены на выявление и отражение указанных закономерностей объективно существующей среды, приближают нас к познанию этих закономерностей. В противном случае научная категория способна навредить этой среде, инициировать ее деформацию или даже разрушение. Выбор же наиболее значимого объекта отражения связан с высоким уровнем абстракции научной категории.

В-третьих, научная категория не просто описывает свойства предметов и явлений, но и обобщает их. Посредством категорий объекты объединяются в группы в соответствии с тем признаком, который выделяется во всех них. Кроме того, категории разделяют действитель-

ность вследствие того, что разным категориям соответствуют разные группы или совокупности объектов.

В-четвертых, научные категории предельны в рамках данной системы знаний. Они являются частью философского, междотраслевого и отраслевого знания. Предельность категорий определяется невозможностью дальнейшего обобщения признаков объекта в границах приведенных систем знания. Это обуславливает возможность включения в структуру категорий менее абстрактных понятий.

В-пятых, научные категории фундаментальны, т. е. играют в процессе познания фундаментальную логико-гносеологическую и методологическую роль. Научная категория – это в определенной степени теория своего объекта отражения. Мышление в форме категорий содержательнее, полнее, универсальнее, чем простое созерцание, т. к. оно позволяет глубже проникать в явления, устанавливая их свойства, внутренние и внешние связи и переходы. Без научных категорий познание обойтись не может, т. к. отсутствие категорий не позволяет выйти за пределы опыта.

Процесс выявления научных категорий происходит в рамках исследования предметов, явлений и составляет содержание категориального метода познания. Данный процесс имеет свои ступени развития.

В.И. Ленин предложил известную формулу познания: «От живого созерцания, к абстрактному мышлению и от него к практике». С точки зрения осмысления категориального метода познания особый интерес представляют первые два этапа познавательной деятельности.

«Живое созерцание» (ощущения, восприятия) представляют собой исходный пункт любого познания реальной действительности. Вне живого созерцания человек не может накопить какого-либо минимума знаний с тем, чтобы впоследствии оперировать теми или другими понятиями, создавать теории и т. д. Живое созерцание само по себе не позволяет исследователю проникнуть в сущность явлений, поскольку в результате восприятий, ощущений он знакомится преимущественно с формой конкретных фактов действительности, их внешней стороной.

Как верно подметил О.А. Красавчиков, на этой ступени не может быть достигнута цель научного познания – «открытие объективных законов, управляющих развитием процессов в природе и обществе»³⁰.

В рамках этого этапа собирается необходимый научный материал, из которого складывается фактический базис всех последующих познавательных акций.

Научный материал – это определенная совокупность установленных и соответствующим образом зафиксированных фактов реальной действительности. Под фактом обычно понимается явление материального мира, существующее независимо от нашего сознания. При этом не исключено отклонение теоретического образа от жизненного оригинала, но это не меняет положения о том, что наши представления о факте остаются лишь отражением реальной действительности в нашем сознании.

Факты должны быть адекватно отражены в сознании и описаны, только такие факты являются основой истинного знания. Напротив, неадекватное чувственное восприятие или ошибочная фиксация научного факта дадут о себе знать лишь в практической реализации выводов науки, поскольку указанные ошибки почти не устранимы в процессе и посредством абстрактного мышления; последнее опирается на научный материал независимо от того, соответствует ли он реальному положению вещей или является результатом случайного, необъективного набора фактов.

Как отмечал М. Бертло: «Изучение фактов – начало всякого знания. Установив факты, человеческий ум стремится к их сопоставлению и установлению связывающих их общих отношений: это – то, что мы называем научными законами, и на этих-то законах зиждется

всякое приложение науки, все равно, к существованию ли отдельных личностей или целых обществ»³¹.

Научные законы устанавливаются при помощи особых способов. Мы уже отмечали, что для выявления научных категорий используются такие способы установления связей между предметами, явлениями, как анализ, синтез и обобщение.

Существует мнение, что применительно к социальной среде такие способы познания неприменимы. Так, О.А. Красавчиков писал, что «правовая материя, равно как и иные явления общественной жизни... по своей природе не могут быть подвергнуты... естественно-научному анализу в силу двух следующих обстоятельств.

Во-первых, элементы предмета отраслевой юридической науки, в том числе и обладающие материальным содержанием, не имеют вещественной формы, которая могла бы составлять объект естественнонаучного анализа. Естественнонаучный анализ, к использованию которого обращается практическая юриспруденция, не решает сам по себе и не может решать правовых вопросов.

Во-вторых, указанное обстоятельство не может иметь места в силу того, что социальные явления в отличие от ряда природных вещей и фактов не могут быть вырваны (изолированы) и разложены (проанализированы) как таковые в их реальной конкретно исторической форме без того, чтобы этот анализ не сопровождался лишением соответствующего предмета исследования его естественно исторической жизни»³².

Весьма спорное утверждение. Ведь анализ и синтез как способы познавательной деятельности уже давно вышли за пределы исключительно естественных наук, приобрели универсальный характер. Более того, использование этих способов в самих естественных науках не обязательно должно опосредовать фактическое расчленение или объединение частей вещественной формы предметов. Например, многие явления физического мира анализируются исключительно умозрительно, в силу их слишком большого или слишком маленького размера.

В этой связи представляются спорными доводы автора относительно необходимости выделения как самостоятельных способов познания естественнонаучного анализа (синтеза) и общенаучного теоретико-аналитического (синтетического) приема познания. Автор пишет: «Общность и различия между естественнонаучным анализом (синтезом) и общенаучным теоретико-аналитическим (синтетическим) приемом познания заключается в следующем. Оба эти приема предполагают наблюдение и известную фиксацию научного материала. Однако если в процессе первого из названных приемов происходит реальное воздействие (разложение, соединение) на конкретное явление, предмет материального мира (часть природы), то при теоретико-аналитическом... рассмотрении никакого внешнего или внутреннего физического, химического и т. п. воздействия на предмет исследования (явление социальной действительности) не происходит. Здесь исследователь лишь мысленно расчленяет и синтезирует данный предмет, абстрагируясь от тех или других сторон, свойств, не являющихся существенными»³³.

Использование универсальных способов познания – анализа и синтеза не должно, на наш взгляд, связываться только с фактическим или только с мысленным воздействием на объект. Это сложная по своему составу деятельность, объединяющая и фактическое и умозрительное воздействие. Любое фактическое является одновременно и умозрительным. Более того, иногда, как мы уже отмечали, фактическое воздействие на объект невозможно даже в рамках естественного знания.

Несостоятельным, на наш взгляд, является и аргумент относительно невозможности анализа социальных явлений без лишения их естественноисторической жизни. Во-первых, умозрительное исследование социального явления не требует фактического воздействия на него. И в этом смысле сам объект исследования существует в естественноисторической среде. Во-вторых, исследование социальных объектов может проходить в рамках социальных экспери-

ментов, когда изменению подвергаются отдельные аспекты естественной среды существования объекта, но для самого объекта среда по-прежнему остается естественной.

В этой связи интересной представляется высказанная Г. Спенсером позиция относительно схожести подходов в исследовании естественных и социальных явлений: «Мы обыкновенно сравниваем нацию с живым организмом, мы говорим о политическом теле, об отправлении различных его частей, о его росте, болезнях, — точно будто это какое-нибудь создание. Но мы обыкновенно смотрим на эти выражения как на метафоры; мы мало обращаем внимания на то, до какой степени тут она близка к аналогии, и в какой мере она может найти свое осуществление в действительности. Сходство между организацией общества и индивидуума до такой степени полно, что в подобных выражениях заключается нечто большее, чем простая аналогия»³⁴.

Пожалуй, еще одним доказательством возможности проведения аналогии между категориальным методом познания естественных и социальных объектов выступает использование в процессе обобщения научного материала статистики и экспериментов.

Количественное изучение научного материала дает богатую пищу для размышлений, для выяснения специфических качественных сторон фактов, образующих данный материал. Закономерности общественных отношений проявляются в значительной массе явлений, но не в единичных, хотя масса и представляет собой носителя единиц, состоит из последних. Случайные отклонения закономерностей в тех или других конкретных (частных) случаях, индивидуальных явлений при большем количестве обследуемого материала взаимно погашаются, обнаруживая социально необходимую линию развития, вскрывая тем самым соответствующую закономерность, управляющую развитием соответствующих отношений.

Эксперимент является одним из способов изучения реальной действительности. Обладая рядом бесспорных преимуществ в указанном отношении, экспериментирование не исключает и не подменяет иных приемов и форм научного исследования, как то: наблюдения, количественных измерений и т. д. Эксперимент является формой практического (опытного) исследования, а значит, этапом на пути выявления научной категории.

Эксперимент и абстрактное мышление осуществляются на разных этапах познавательной деятельности. Результаты эксперимента — это материальная база для абстрагирования, а не наоборот. Конечно, и в процессе абстрактного мышления может появиться необходимость в проведении эксперимента (например, повторно для того, чтобы удостовериться в его результате), но это лишь вспомогательная деятельность в процессе обобщения, определения научных категорий. Экспериментатор воссоздает соответствующие условия, а исследователь, познающий явление посредством абстрактного мышления, возвратившись теоретически к известной сущности первого порядка, начинает процесс углубления познания с начала.

Логическое познание отличается от чувственного по ряду моментов. Если чувственное охватывает главным образом отдельные стороны явлений, их внешние связи и форму, то абстрактное мышление позволяет охватить исследуемый предмет в целом, проникнуть в его сущность, выявить внутренние противоречия. В процессе выявления научной категории исследователь, как известно, отвлекается от всего несущественного, нехарактерного, неспецифического, в результате чего он углубляет свои познания исследуемого явления. Результаты абстрактного мышления как определенной ступени в процессе познания находят свое выражение в специфических, присущих именно данной ступени формах.

«Совокупность понятий, категорий, теорий, гипотез и других форм научного отражения предмета познавательной деятельности данной науки образует теоретическое звено ее состава»³⁵

Любая научная категория как абстрактное выражение определенных явлений или процессов устойчива.

К. Маркс утверждал, что «даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что именно благодаря своей абстрактности они имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой не в меньшей мере продукт исторических условий и обладают полной значительностью только для этих условий и внутри них»³⁶.

Трансформация философских, экономических и иных категорий в юридические не ограничивается лишь сменой словесной формы соответствующих мыслей и чувств, но видоизменяет само содержание соответствующей категории. Здесь происходит собственно выработка нового юридического знания.

«В процессе своего исторического развития наука накапливает все больше и больше знаний об окружающей нас действительности, фиксируя в своей литературной и материальной памяти выдающиеся открытия, гипотезы, «рядовые соображения» и т. д. Открытые, объясненные или еще только изучаемые явления наука, соответственно ее специфическим особенностям как формы общественного сознания отражает в виде понятий, категорий и т. д. Развитие науки невозможно без сохранения тех ценностей (материальных и духовных), которые выработало человечество. Каждое поколение вносит свой определенный вклад в сокровищницу знаний, передавая его последующим поколениям в порядке научной традиции»³⁷.

В границах любого знания, будь то философского, общенаучного или частнонаучного, категории – это системные (взаимосвязанные) образования.

Диалектический материализм считает, что взаимосвязь является всеобщей формой бытия, охватывает все материальные образования и присущие им свойства³⁸. Все существующее в мире представляет собой, стороны, звенья единой материи, «некую совокупную связь тел»³⁹, свойств, универсальную систему, в которой «каждая вещь (явление, процесс) связаны с каждой»⁴⁰.

«Материальные образования, через которые в каждый данный момент существует материя, представляют собой не застывшие, неизменные состояния, а относительно устойчивые системы движения, в силу чего они не просто сосуществуют рядом, а взаимодействуют и через эти взаимодействия проявляют свои свойства и утверждают себя как определенные качественно обособленные тела, явления, при соответствующих условиях переходящие друг в друга и в свою противоположность. Всеобщая взаимосвязь материальных образований и их свойств является, таким образом, необходимым следствием универсального взаимодействия и движения, составляющего атрибут материи, форму ее существования»⁴¹.

Но если все явления действительно находятся в универсальной взаимосвязи и взаимозависимости и при соответствующих условиях переходят друг в друга и в свою противоположность, то и категории, через которые человек отражает окружающую действительность в своем сознании, должны быть взаимосвязаны, взаимозависимы, подвижны, при соответствующих условиях переходить друг в друга и в свою противоположность, ибо только в этом случае они могут отразить действительное положение вещей. Следовательно, изучение тех или иных научных категорий требует исследования их движения, их связей взаимопереходов, предполагает сведение их в системы, учитывающие эти связи и воспроизводящие необходимые соотношения сторон исследуемого объекта.

Познание любых системных связей требует определенных логико-гносеологических приемов, которые, с одной стороны, позволяют выявить и описать такие связи, с другой – могут служить основанием для объединения научных категорий в систему.

А.П. Шептулин предположил, что «если применительно к исследованию того или иного конкретного целого при определенных условиях возможно и необходимо использование принципа восхождения от конкретного к абстрактному (мы, в частности, имеем в виду начальную стадию познания, когда человек впервые сталкивается с объектом и в ходе его исследования вынужден анализировать отдельные стороны и связи), то применительно к исследованию кате-

горий, связанных с той или иной областью действительности, принцип восхождения от конкретного к абстрактному использовать вообще нельзя. Ибо сам факт существования соответствующих категорий и появления потребности установления между ними взаимосвязи, т. е. сведения их в систему, свидетельствует о том, что познание объекта, с которым связаны данные категории, достигло в своем развитии такой ступени, когда отдельные его (объекта) стороны и связи осмыслены и выражены в соответствующих абстрактных понятиях и определениях, т. е. стадия движения познания от чувственно конкретного к абстрактному в данной области является пройденной»⁴².

С таким утверждением сложно согласиться. Появление (осознание) научной категории немислимо без использования метода восхождения от конкретного к абстрактному. Ведь до этапа отнесения того или иного понятия к разряду категорий (которого, впрочем, может и не произойти) необходимо познать и описать свойства предмета, явления. Кроме того, существенной чертой научной категории, как мы уже отмечали, является не просто связь с предметом или явлением, а отражение и обобщение их свойств. Не признаков понятий, а именно свойств предметов. Автор и сам, на наш взгляд, приходит к этому выводу, когда пишет, что стадия движения познания от чувственно конкретного к абстрактному при исследовании категорий является пройденной. В этой связи интересной представляется позиция Г.Д. Левина о том, что «исследование любого конкретного объекта можно было бы начинать с включения его в объем сначала категории, затем – понятия, видового по отношению к ней и т. д.»⁴³

Еще одним началом, характеризующим системные взаимосвязи научных категорий, является их связь с определенными ступенями развития общественного познания (связь исторического и логического), выполнения ими функций узловых, опорных пунктов движения познания от низшего к высшему.

При этом категории различных уровней научного познания отнюдь не являются конкурирующими, взаимно исключающими, подменяющими друг друга. Отношения между разными типами и общностями научного знания – это отношения взаимного дополнения и развития, а не альтернативности, не подмены одного уровня и типа другими.

Мы согласны с мнением авторов В.С. Готт, Э.П. Семенюк, А.Д. Урсуп об отсутствии непроницаемых перегородок между разными категориальными подсистемами и о возможности перехода категорий из одного типа в другой в результате изменения их фактического статуса: «История науки свидетельствует, что такие процессы совершаются постоянно, но постепенно и внешне незаметно, иногда на протяжении целых эпох. Поэтому точнее говорить не о переходе, а о перерастании категорий одного типа в категории другого. Для полноты картины отметим, что наряду с этим в категориальном аппарате науки совершаются, естественно, и иные процессы – изменение содержания и объема категорий в пределах одного и того же типа, приобретение категориального статуса новыми понятиями или, наоборот, утрата его отдельными категориями, теряющими былое значение, и т. п.»⁴⁴

Предпосылки перерастания категорий одних типов в другие создаются в ходе качественного изменения понятий и их научного статуса уже в рамках каждого категориального уровня в отдельности. Так, частнонаучные категории специальных дисциплин в принципе могут приобрести более широкое значение, трансформироваться в категории фундаментальных отраслей знания. Оставаясь в границах одного и того же частнонаучного уровня, такие категории вместе с тем существенно изменяют свое содержание и объем, переосмысливаются учеными, постепенно меняются их познавательные возможности и, следовательно, объективное значение в науке. В качестве следующего шага становится возможным перерастание таких категорий в общенаучные.

Аристотель полагал, что все объекты реального мира распределены по родам, которые образуют объемы категорий. Объемы некатегориальных понятий входят в объемы категорий

как подклассы в классы. Поэтому любое некатегориальное понятие относится к одному из категориальных как видовое к родовому. Аристотель разработал иерархическую систему категорий, в которой основной была «сущность», или субстанция», а остальные считались ее признаками. На первом месте стоит категория сущности с выделением первой сущности – индивидуального бытия, и второй сущности – бытия видов и родов. Другие категории раскрывают свойства и состояния бытия: количество, качество, отношение, место, время, обладание, положение, действие, страдание⁴⁵.

Представляется, что современная система научных категорий складывается из следующих основных подсистем (объемов категорий), значительно различающихся между собой по особенностям входящих в них категорий: философские, общенаучные (межпредметные), частнонаучные категории.

Каждая такая система объективно делится на подсистемы, в составе которых ряд категориальных понятий объединяется по признаку существенной близости в каком-либо определенном отношении.

Такой подход позволяет исследовать научные категории в их движении, их связях, взаимопереходах и описать необходимые соотношения сторон исследуемых объектов.

Он распространяем и на отдельную часть огромной системы научных категорий – категории юриспруденции. Каждая из правовых категорий существует не дискретно, отражая свойства юридических явлений, а соотносится, взаимодействует с другими, проявляя способность к движению, трансформации. Связям юридических категорий присущи не только описанные выше общие категориальные черты, но и свои собственные особенности, позволяющие рассматривать их в качестве самостоятельной системы. К сожалению, многие научные работы по юриспруденции не учитывают этого обстоятельства, и исследования проводятся только применительно к конкретному явлению, процессу. Тогда как использование обозначенного подхода позволило бы по-новому взглянуть на правовые явления через отражающие их юридические категории, определить их место в общей системе научных категорий, раскрыть их внутренние связи, взаимопереходы и видовые особенности.

§ 2. Понятие юридической категории

Как и всякая другая наука, наука о государстве и праве оперирует абстракциями, составляющими ее категориальный аппарат. Любое специальное исследование, в том числе и в сфере государства и права, зиждется на системе тех категорий, которые формируют его «остов», опорные конструкции. Значение их предельно велико. В литературе их даже называют краеугольными точками, способствующими систематизации материала и соответствующими общим разработкам в области научных абстракций, применимых к предмету⁴⁶.

Отправной точкой исследования юридической категории, на наш взгляд, служит понимание того, что в состав юридической науки входят не сами явления и процессы (как элементы предмета), но их теоретическое отражение.

Как верно указывал О.А. Красавчиков: «Не являясь совокупностью элементов предмета познания, данная юридическая наука по своему составу представляет собой прежде всего определенную совокупность знаний о данном предмете. Знания же в науке, как известно, находят свое выражение в виде понятий, категорий, теорий, гипотез и т. д. Смещение предмета науки с ее составом основывается на отсутствии четкого отграничения между явлениями предмета науки и их понятиями»⁴⁷.

Предмет исследования не превращается в свое понятие, т. е. не перемещается из области реального в сферу идеального только потому, что он был подвергнут научному изучению. Категории отражают закономерное и особенное в правовой действительности. Они адекватны кругу правовых явлений. И все же представления, отражающие свойства юридических явлений, относительно субъективны, а следовательно, относительно субъективны и юридические

категории, поскольку являют собой не саму систему реальных свойств предметов и явлений, существующих в окружающем нас мире, а проекцию этих свойств в сознании человека, их выявление и описание.

Мы не согласны с высказанным Л.И. Спиридоновым мнением относительно объективного характера юридических категорий: «Категории, выражающие эволюцию объективного мира, объективны, ибо они суть его, мира, собственные моменты. “Гносеологическими” они становятся лишь при определенных условиях. Но и после их воспроизведения в понятиях категории не перестают существовать независимо от сознания мыслящего субъекта и определяются не его представлениями, а реальным ходом вещей»⁴⁸.

Автор выносит категории за пределы мышления, видя в них реальный феномен самой объективной действительности. Таким образом, он отождествляет категории с теми предметами и явлениями, свойства которых они отражают, что, на наш взгляд, недопустимо.

Научные категории – это содержательные представления о закономерном и существенном в явлениях и процессах окружающего нас мира. Поэтому при оценке роли юридических категорий на первый план выступает вопрос о том, насколько верно, адекватно, объективно отражено в них познание действительности.

Категории, сформулированные правовой наукой, выступают в качестве инструмента познавательной деятельности, способа понимания и фиксации достигнутых правовых знаний. Благодаря тому, что в них подытожены содержательные предметные знания о правовой действительности, они и являются ступеньками, по которым правовая наука движется к новым результатам в познании.

Интересно по поводу субъективного и объективного в юридических категориях высказался А.М. Васильев: «Бесспорно, что форма существования понятий и категорий, которыми оперирует правовая теория, субъективна. Однако содержание, которое выражено в них как итог научного познания государственной и правовой действительности, объективно. Иначе теория права не может достигнуть своей цели – научного познания сущности и закономерностей государственно-правовой сферы общественного бытия. Поэтому для научных понятийных средств выражения правовой действительности субъективные моменты не могут иметь определяющего значения. Их ценность прямо пропорциональна объективной правильности отражения ими реальной сути правовых явлений»⁴⁹.

Представляется, что высказанная позиция требует некоторых уточнений. Во-первых, любые категории, в том числе и правовые, формулируются людьми и выступают некоторым специфическим языком общения. С течением времени форма общения, а следовательно, и категориальный аппарат претерпевает изменения. Некоторые категории теряют свою актуальность. Кроме того, совершенствуются научные (в том числе технические) средства познания окружающей действительности. В этом смысле категории остаются субъективными, поскольку существуют ровно столько, сколько воспринимаются и транслируются людьми.

Во-вторых, содержание научных категорий сохраняет определенную долю субъективности, поскольку зависит от правильности, точности выводов исследователя относительно свойств предметов и явлений. Выстраиваемые научные конструкции могут в достаточной степени и не отражать не только сущность явлений и процессов, но даже и отдельные их свойства. Рассуждения исследователя относительно окружающей его государственно-правовой действительности могут быть ошибочными и даже вредными для развития политико-правовой организации общества.

Б.М. Кедров справедливо отмечал, что «люди стремятся все более точно и полно отразить в понятиях отображаемый ими объект, но каждый раз делают это лишь в меру достигнутых знаний о нем, в которые нередко вкрадываются неточности»⁵⁰.

И здесь совершенно обоснованно поставить вопрос о критериях определения «правильности отражения ими реальной сути правовых явлений».

Некоторые из них уже назывались нами в качестве признака научной категории, а именно свойства отражаемого явления должны быть существенны, а объекты отражения наиболее значимы в рамках данной социальной среды. Только существенные признаки предметов, явлений, включенные в категорию, позволяют отразить их в сознании наиболее точно. Выбор же наиболее значимого объекта отражения связан с высоким уровнем абстракции научной категории.

Кроме того, дабы претендовать на объективность, содержание юридических категорий должно соотноситься с обязательными закономерностями функционирования государства и права. В противном случае юридические категории будут отражать свойства государственно-правовых явлений в искаженном виде, а их использование в научных и прикладных целях может пагубно сказаться на государственно-правовой организации общества и даже способно повлечь его разрушение.

К таким закономерностям в литературе относят, например, выполнение людьми совместной трудовой деятельности, воспроизводство себе подобных, построение системы государственных органов, обеспечивающей мирное сосуществование людей в пределах определенной территории, и регулирование общественных отношений посредством осуществимых и понятных людям правовых норм, которые бы способствовали прогрессу политико-правовой организации⁵¹.

Таким образом, сделанное А.М. Васильевым предположение об объективном содержании юридических категорий требует существенного уточнения. «Объективная правильность отражения ими реальной сути правовых явлений» определяется соответствием содержания юридической категории определенным названным критериям.

Как и любая научная категория, юридическая категория – результат обобщения и абстрагирования. Эти логико-диалектические приемы предполагают не только отвлечение от несущественных свойств, но и определенное огрубление воспроизводимого в категории правового явления или процесса. Однако именно благодаря абстрактным понятиям, связанным воедино общей логической системой юридической науки, возможно выразить правовую действительность во всей ее полноте и конкретности.

Поэтому, как справедливо отмечает А.М. Васильев, «восходить к конкретному, мыслить о праве конкретно возможно лишь с помощью юридических категорий, выработанных юридической наукой. Несомненно, общее беднее, одностороннее, недостаточнее отдельного, но именно оно и есть важнейшая ступень познания, то его важнейшее звено, которое позволяет проникнуть в содержание правовых явлений, выразить их сущность»⁵².

В литературе понятия и категории юриспруденции иногда интерпретируются только как результат прямого обобщения нормативного материала и юридической практики⁵³. Такое видение объекта отражения представляется нам неточным. Правовые исследования охватывают всю государственно-правовую организацию общества. Юридические нормы и практика их реализации здесь только часть объекта исследования.

Как мы уже отмечали, объекты отражения юридических категорий должны быть наиболее значимы в рамках данной социальной среды. К последним, на наш взгляд, относятся в первую очередь сущность, форма, содержание, система государственно-правовых явлений. Кроме того, диалектический характер связей внутри юридических явлений требует отражения в категориях наиболее важных закономерностей генезиса и функционирования государства и права.

Некоторые авторы видят объект отражения юридических категорий более широким: «Только понимание закономерностей общественного развития в целом, его глубинных процессов открывает путь к научному познанию природы правовых явлений, внутренних причин

их происхождения, развития, сущности и исторических судеб. На этой основе теоретическая деятельность, поднимаясь над эмпирическим материалом правовой действительности, выделяет из множества отдельных правовых явлений, актов, отношений устойчивое, необходимое, общее и соединяет его с помощью своего понятийного аппарата в определенную систему правовых знаний»⁵⁴.

Безусловно, понимание закономерностей общественного развития в целом способствует объективности отражения юридическими категориями явлений и процессов государственно-правовой действительности. Для получения максимально объективных знаний об общих свойствах и закономерностях государства и права необходимо учитывать и использовать знания многих фундаментальных наук, чтобы оно было представлено во всех своих связях и опосредствованиях.

В этом случае «раскрываются переходы сторон и граней государства и права в экономику, политику, культуру, мораль и т. д., их взаимозависимости, связи»⁵⁵ т. е. не только связи внутри государственно-правовой действительности, но и внешние связи, и взаимопереходы юридического и неюридического. Такова диалектика юридических категорий. Однако это не означает включения в объект научного отражения юридических категорий всей окружающей нас действительности, всех ее сторон, свойств и связей.

Такой широкий подход к пониманию объекта обобщения не выявляет особенность юридических категорий, их места в общей системе знания. Юридическое знание не оторвано от иных наук, опирается на них. Но не нужно забывать, что каждая самостоятельная наука обладает своим собственным объектом и предметом исследования. Размывая границы объекта обобщения, легко потерять грань между юридическими и иными научными категориями.

Конечно, изучение категориального аппарата юриспруденции, его назначения не может быть обеспечено только средствами самой правовой науки. Отправной, принципиальной основой изучения правовых категорий служат философские выводы (тем более, что философия обладает максимально возможным объектом исследования). Выявление юридических категорий неотделимо от изучения положений философии, раскрывающих значение научных понятий в познавательной деятельности. Овладение философскими категориями, фиксирующими главные закономерности бытия и мышления, – важнейшее условие дальнейшего развития правовой науки, ее методологической оснащенности и способности решать поставленные перед ней задачи.

Но, как уже отмечалось в работе, наряду с всеобщими универсальными категориями философии существуют менее общие категории конкретных наук, являющиеся результатом творческого развития, интерпретации первых применительно к предметам конкретных наук. Им принадлежат отличительные особенности именно категориальной формы мышления. Это наиболее важные, фундаментальные приемы описания действительности в пределах своей области знаний. И в этом смысле объект обобщения юридических категорий самостоятелен. Неверно, на наш взгляд, безосновательно расширять или, наоборот, сужать его. Он должен соответствовать объекту юридической науки.

Теоретически все природные и социальные явления и процессы прямо или косвенно связаны между собой. Но мы не можем при формулировании научной категории конкретной науки (в данном случае юриспруденции) включать в нее все эти связи. Для того чтобы выявить связи и взаимопереходы свойств объектов, относящихся к разным сферам реальности, существуют научные категории межпредметного характера, т. е. те, которые используются сразу несколькими науками. Так, например, категорию «общественно-экономической формации» можно отнести одновременно и к историческим (поскольку отражает определенный исторический этап общественного развития), и к экономическим (поскольку отражает уровень развития экономических производственных отношений), и к политическим (поскольку отражает

соответствующую систему властных отношений), и к юридическим (поскольку отражает соответствующий тип государства и права).

При формулировании юридических категорий нас, в первую очередь, интересуют те связи и взаимопереходы, которые отражают именно юридический характер явлений и процессов, т. е. их причастность (привязанность) к государству и праву. Собственно государство и право могут быть объектами исследования не только юриспруденции, но и других наук (например, политологии, социологии), но именно для юриспруденции – это основной главный объект. Поэтому полагаем, что государственно-правовая организация общества как преимущественный объект отражения может служить критерием разграничения юридических и иных научных категорий. Это не означает, что юридические категории не могут отражать иных (помимо связи с государством и правом) свойств явлений и процессов. Просто для юридических категорий свойства и связи в аспекте государственно-правовой организации общества имеют основное значение.

Сам объект осваивается посредством абстрактного осмысления постепенно. Результатом абстрактного мышления не сразу выступает научная юридическая категория. Объем информации о явлении, процессе постепенно накапливается и перерабатывается, отражаясь в сознании в юридических терминах, определениях и понятиях.

Юридический термин представляет собой одно слово или словосочетание, наделенное определенным значением (смыслом). Термин не описывает детально явление или процесс. Он, как правило, лишь указывает на него.

Юридическое определение (дефиниция) – это набор существенных признаков явления или процесса, позволяющий идентифицировать последние как самостоятельные, т. е. выделить их из всей совокупности иных юридических явлений.

Наконец, юридическое понятие – это сумма научных знаний о явлении или процессе. Понятие обозначается термином и отражает не только признаки явления, но и его внутренние и внешние связи, сущность, содержание, форму.

Мы уже писали, что научная категория – это результат обобщения не понятий, а свойств предметов и явлений окружающей действительности. Юридическая категория может осознаваться и формулироваться через непосредственное исследование объективной среды, минуя иные субъективные представления о предметах и явлениях. В то же время юридическая категория может представлять собой многоуровневое системное образование, составными частями которой являются менее абстрактные юридические понятия.

Выяснить, можно ли включать в структуру юридической категории такие понятия, достаточно несложно. Нужно удостовериться, что они сами не являются целостной системой родового порядка, не обобщаемой в рамках данной системы знания. Ведь юридические категории – это высшая ступень абстрактных знаний в правоведении. Это отнюдь не означает, что они отделены от реального мира.

Напротив, юридические категории тесно связаны с правовой действительностью. Научные правовые абстракции не только не теряют своей связи с правовой действительностью, но и дают возможность постигать ее полнее. Выражая сущность и закономерности явлений и процессов правовой сферы общественной жизни, юридические категории фиксируют конкретное и объективное представление о таких процессах. Они раскрывают практические возможности использования познанных закономерностей правовых явлений для сознательного юридического регулирования общественных процессов.

Как верно отмечал А.М. Васильев: «Правовые категории сложились на основе изучения общественной практики и необходимости обобщения государственно-правовой деятельности людей. Только в предметной практической деятельности они становятся реальностью. Только в процессе политико-юридической и общественной практики вообще проходят про-

верку своей истинности. Генезис правовых категорий связан с общественной потребностью осмыслить, объяснить и зафиксировать своеобразие права в ряду других явлений общества»⁵⁶.

Государственно-правовая действительность – это специфическая сфера абстрактного осмысления. Особенно это касается самого права в его объективном и позитивном смыслах. Ведь право как система нормативно-регулятивных средств, выраженных в формальных источниках, уже само собой выступает в качестве определенной формы духовного освоения действительности, включает в себя знания об общественных отношениях и институтах. Может показаться, что юридические категории по сравнению с нормативно-регулятивными средствами права отражают процессы реальной действительности как бы опосредовано. В правовых нормах всегда в какой-то мере выражен опыт организации общественных отношений, осмыслены и отражены существующие социальные процессы. В литературе юридические категории называют даже «отражением отражения»⁵⁷. В какой-то мере это так.

Но есть и серьезные возражения этому утверждению. Во-первых, нормативно-регулятивные средства права сами представляют собой проявление действительности, поскольку, отделяясь от человека, существуют относительно объективно. Во-вторых, они фиксируют определенный опыт, практику определенных общественных отношений. В-третьих, преследуют практические цели – регулирование общественных отношений, установление правопорядка. В-четвертых, знания, помещенные в право, ограничены моментом издания юридического источника, т. е. перестают развиваться. И, наконец, в-пятых, государственно-правовая действительность не исчерпывается правовыми нормами, принципами, целями и т. д.

Поэтому научные юридические категории – это наиболее эффективный способ обретения знания о государственно-правовой действительности. Юридическая наука существует специально для того, чтобы теоретически овладеть объектом и обогащать нас новым знанием. Значение ее предельно велико. Мыслить конкретно о праве, т. е. теоретически представлять себе целостную картину правовой сферы общественной жизни, возможно лишь на основе юридических категорий и понятий, которые выработала юридическая наука.

В этом смысле юридические категории являются методом юридической науки. В литературе, правда, предлагалось относить категориальный аппарат только к методу теории права: «Теория права, обращенная к дальнейшему познанию, и является методом, а ее категориальный аппарат – необходимым инструментом правового познания, приобретая в абстрактно-теоретическом мышлении значение специфического звена метода правовой теории. Такова диалектика единства и взаимопереходов метода и теории права. В связи с этим метод теории права не выглядит как простая иллюстрация философского метода. <...>...Диалектика указывает нам генеральный путь теоретического мышления и устанавливает общие принципы познания, направляющие ход изучения правовой действительности, соотносясь с ее собственной природой. Этот путь познания ведет к диалектическому пониманию правовой формы общественной жизни – выявлению объективной диалектики ее исторического развития, внутреннего движения, функционирования и отражению ее в субъективной диалектике развития, переходах, связях правовых категорий и понятий. Поэтому логика правовой действительности становится логикой теории права, а логика теории права – специфической логикой дальнейшего познания правовой формы общественной жизни и овладения ею»⁵⁸.

Неоднозначный, на наш взгляд, вывод. Получается, что иные юридические науки (кроме теории права) своим категориальным аппаратом, а значит, и своим методом не обладают. Пожалуй, единственным аргументом из приведенных, обосновывающим особое значение теории государства и права, является то, что категории этой науки отражают объективную диалектику государственно-правовой сферы общественной жизни предельно обобщенно для всей юриспруденции. Они являются общими для всей юридической науки, что позволяет отнести их к группе общенаучных (межпредметных) в границах юриспруденции. Особенность теории госу-

дарства и права заключается в том, что она вырабатывает основные фундаментальные категории юриспруденции, которые, будучи отражением наиболее существенных свойств и главных связей государственно-правовых явлений, наиболее глубоки по своему содержанию и широки по объему, воспринимаются в качестве «опорных конструкций» иными юридическими науками.

Интересно в этой связи мнение В.В. Ныркова о том, что «все общие понятия, вырабатываемые наукой теории государства и права, есть юридические категории – наиболее общие абстракции правоведения. И, следовательно, они способствуют своеобразному объединению правовых знаний, «расчлененных» в специальных юридических науках, позволяют познавать явления правовой действительности с «единой», «общей» позиции, абстрактно в мышлении воссоздавать ее общую картину и тем самым содействовать единству познавательной деятельности во всех отраслях правоведения. <...>

Без указанных категорий ученый одной специальной отрасли правоведения не понимал бы ученого другой частной области знания юридической науки»⁵⁹.

Бесспорно, что в большей степени общие (межпредметные) юридические категории представлены именно в теории государства и права. Однако стоит заметить, что включать в систему юридических категорий мы можем только те (и, следовательно, не все) обобщающие понятия теории государства и права, которые являются предельными в рамках данной системы знаний и фундаментальными, т. е. играющими в процессе познания фундаментальную логико-гносеологическую и методологическую роль.

Кроме того, не стоит забывать, что юридические категории могут формулироваться и в рамках отраслевых наук. Последние также обладают своим предметом и методом, особенностями своего категориального аппарата, в котором наряду с общими (межпредметными) юридическими категориями, отраженными в рамках теории государства и права, используются еще и частнонаучные юридические категории, обусловленные особенностями предмета конкретной отраслевой науки.

А.М. Васильевым высказывалось мнение о необходимости разграничения правовых категорий и категорий права: «Правовые категории – научные понятия, которые выступают как инструмент научного мышления и служат для отображения объективной сути правовых явлений. Категории права – компоненты правовой нормативной структуры, инструмент правового регулирования».⁶⁰

Он утверждал: «Объективируясь в праве, соответствующие понятия выходят за пределы чисто научных представлений, получая более широкую общественно-юридическую значимость. Такая объективизация выступает как момент перехода правовых категорий в категории права и является основанием для проведения различий между ними.

Будучи включены в состав нормативно-правового акта, т. е. став категориями права, указанные понятия, во-первых, превращаются в общеобязательные государственные установления, во-вторых, не только проявляются как атрибуты абстрактного мышления, но и выступают как средство регулирования общественных отношений, как государственный масштаб оценки поведения людей, в-третьих, приобретают способность переводить общие абстрактные требования на уровень практических действий участников правового общения»⁶¹.

Это утверждение кажется нам весьма спорным.

Во-первых, от закрепления юридических категорий в формальных источниках права содержание самой категории не изменяется. Она описывает все те же существенные свойства явления, что и до закрепления. Как мы уже отмечали, нормативные установления – это часть окружающей нас действительности. Юридическая категория описывает свойства этой действительности одинаково, независимо от того, закреплена она или нет.

Во-вторых, алгоритм формирования юридической категории предполагает сначала ее осознание и формулирование, а затем, возможно, закрепление. То есть юридическая категория не создается законодателем, она лишь может быть включена в текст формального источника права как некая данность.

В-третьих, юридические категории не всегда находят письменное закрепление в нормативно-правовом акте. Как минимум существуют и иные формально-юридические источники права (например, правовой обычай). Большинство категорий осознаются и описываются учеными в рамках юридической науки. Автор, отмечая, что «категории права выступают как средство регулирования общественных отношений», видимо, имел в виду правовые дефиниции. Они закрепляются в формальном источнике права и описывают свойства предметов, явлений и процессов. В рамках юридического источника это действительно одно из наиболее абстрактных и часто встречаемых обобщений. Но это все еще не категории. Речь в этом случае можно вести только об определениях, получивших официальное закрепление в позитивном праве. А определения и категории, как мы уже отмечали, находятся на разных уровнях абстрактного мышления. Юридические определения, получившие официальное закрепление, представлены в позитивном праве намного чаще, чем юридические категории.

Вот почему, дабы не создавать терминологическую путаницу, не следует, на наш взгляд, проводить различия между «правовыми категориями» и «категориями права».

Автор и сам в некотором смысле приходит к этому выводу, отмечая, что «правовые категории используются для того, чтобы выразить истинное знание о правовой сфере общественной жизни, а категории права выступают как образец, государственный масштаб поведения людей и оценки их поступков. Поскольку знания о правовой сфере общественной жизни лежат в основе этого масштаба, одноименные правовые категории и категории права совпадают по своему содержанию».

В гносеологическом плане различия между правовыми категориями и категориями права провести трудно, ибо и те и другие есть субъективный образ реальной действительности, являющиеся элементами духовного освоения общественной жизни»⁶².

Основываясь на принципе науки «не удвоения понятий», здесь и далее по тексту мы используем словосочетания «юридические категории», «правовые категории» и «категории права» как синонимы.

Что касается определения юридической категории, то здесь, полагаем оно, во-первых, должно быть основано на описанных нами ранее общих для всех научных категорий признаках, а во-вторых, отражать особенности юридических категорий как формы научного познания государственно-правовой действительности. При этом должен быть выдержан объем юридической категории, т. е. в определении не должен сужаться или, наоборот, расширяться предмет отражения юридической категории.

Предложенное в 1976 году А.М. Васильевым определение юридической категории как «предельного по уровню обобщения фундаментального абстрактного понятия теории правоведения»⁶³, на наш взгляд, не отвечает этим требованиям и нуждается в корректировке, поскольку не включает черты, общие для всех научных абстракций, и основные особенности, позволяющие выделить ее из всей системы научного знания. Кроме того, оно сужает объем юридической категории, относя к последней только абстракции «теории правоведения».

Полагаем, что более полным и универсальным определением юридической категории может служить следующее.

Юридическая категория – это развитая форма абстрактного мышления человека, предельно отражающая и обобщающая существенные свойства и связи явлений и процессов объективно существующей государственно-правовой организации общества в виде содержательных образов, используемая юридической наукой в качестве своего метода.

Это определение будет использоваться нами как основа дальнейшего исследования юридических категорий, установления их видовых характеристик и системных связей.

Как видно из предложенного определения, юридические категории являются частью общей системы научных категорий, а поэтому сохраняют общие для всех научных категорий признаки, описанные нами ранее.

В качестве особенностей именно юридических категорий выделим следующие.

Во-первых, это особый объект отражения. Юридическая категория описывает свойства и связи явлений и процессов государственно-правовой организации общества. Объект отражения должен быть наиболее значимым, масштабным в рамках данной социальной среды. Недопустимо, на наш взгляд, безосновательно расширять (например, относить к объекту отражения всю социальную среду обитания человека) или сужать его (например, ограничиться только правовыми нормами). Юридические категории отражают качественную определенность явлений и процессов государственно-правовой организации общества, которая, как преимущественный объект отражения, служит критерием разграничения юридических и иных научных категорий. Юридические категории могут отражать разные свойства и связи объекта, но именно для юридических категорий свойства и связи в аспекте государственно-правовой организации общества имеют безусловный приоритет.

Во-вторых, использование в рамках юридического знания. Юридические категории выполняют методологическую функцию в познании окружающей нас действительности. Являются методом юридической науки, целостной теорией отражаемого объекта государственно-правовой организации общества. Категории существуют в рамках разных юридических наук, но наиболее значимые, существенные свойства и связи объектов отражены юридическими категориями в рамках теории государства и права. Они основываются на познанных объективных закономерностях социальной жизни, отражают в логической форме объективную диалектику государственно-правовой сферы общественной жизни предельно обобщенно для юридической науки, составляют основу диалектического мышления в юриспруденции, обогащают юридическую практику теоретическим подходом к решению задач. Однако это, на наш взгляд, не означает, что категориальный метод познания может быть использован только в теории государства и права. Он в равной мере распространяем на все юридические науки, позволяет описывать механизмы изменения любой части окружающей нас социальной среды, для выявления и отражения закономерностей общественного развития, приближает нас к познанию этих закономерностей.

В-третьих, возможность иметь правовую форму. Юридические категории позволяют оценить определенные общественные процессы с точки зрения правовой формы, в которой они протекают и проявляются. Собственно эта форма присуща большинству государственно-правовых явлений и процессов. Формальность – это существенное свойство права, а связь с правом (связанность правом) – существенная черта государства. Правовая форма не обязательно должна иметь характер источника права (в формально-юридическом значении). Речь идет о властном, публичном признании юридической категории, описании ее признаков. В самих формальных источниках права чаще всего закрепляются не категории, а формулируются дефиниции государственно-правовых явлений и процессов, придается определенный смысл какому-либо термину. Тем ценнее выявление и формулирование именно юридических категорий, которые по своему содержанию намного богаче терминов, позволяют глубже проникать в явления и процессы, устанавливая их существенные свойства, внутренние и внешние связи и переходы.

Выделенные признаки показывают особенности, отличающие юридические категории, от иных научных абстракций. Эти признаки (в совокупности с общими чертами научных категорий, описанными нами ранее) могут быть использованы исследователями в качестве критерия отнесения того или иного обобщения к группе юридических категорий, а соответственно,

помогут избрать верное направление исследования, верные методы в самом начале длинного пути познания.

В литературе уделяется внимание и механизму образования юридических абстракций. Так, В.М. Сырых связывает образование правовых понятий с методом восхождения от конкретного к абстрактному. Его суть заключается в том, что «первоначально образованное правовое понятие формируется из чувственного «хаотического представления о целом» путем мысленного его анализа и разложения на элементы. При этом мышление создает все более и более простые абстракции, с целью построения исходной, «идеальной», упрощенной структуры исследуемого предмета. Так образуются первоначальные правовые научные абстракции... представляющие собой общие, повторяющиеся признаки, полученные в процессе чувственно-предметного изучения юридических явлений»⁶⁴.

Следует согласиться с мнением В.В. Ныркова о том, что данный метод имеет свои пределы использования и недостатки: «Основной из них заключается в том, что образованные с его помощью первоначальные научные понятия отражают правовую реальность лишь в самой общей форме – абстрактно и огрублено, разрывая ее на отдельные не связанные фрагменты, хотя формально и объединяемые в суммативную систему. ...Сущность любого правового феномена не может быть раскрыта лишь с помощью указания совокупности признаков, какими бы существенными они ни казались, ибо сущность явления возможно познать, лишь установив в мышлении многообразие взаимодействий (связей) его с другими феноменами, на что, собственно, и ориентирует нас диалектика»⁶⁵.

Но обойтись без использования данного метода невозможно. Диалектическое познание всегда движется сначала от конкретного к абстрактному, где конкретное – это лишь чувственные представления об объекте, который предстоит познать, а абстрактное – связанные воедино его элементы, признаки. Только после этого можно переходить к установлению всего многообразия внутренних и внешних связей и взаимодействий элементов внутри исходной абстракции, для установления ее сущности, целостного и всестороннего познания, т. е. начинать двигаться уже от абстрактного к конкретному. Реализация этого диалектического метода позволяет выявить все связи и взаимодействия объекта познания, представить его как систему.

О системе юридических категорий речь пойдет позже. Сейчас же отметим, что из всей огромной массы научных обобщений выделяется особая группа – юридические категории, концентрирующие знания в границах юридической науки. Эта группа значительна по своему объему и разнообразна по своему содержанию. Категории внутри этой группы связаны друг с другом, взаимозависимы, подвижны и при помощи универсального научного метода типологии могут быть разделены и объединены в типы (виды), что позволит глубже понять природу отражаемых ими явлений и процессов, более точно установить связи, зависимости и переходы, присущие им.

§ 3. Виды юридических категорий

Одним из наиболее эффективных способов выявления общих и отличительных черт юридических категорий, их связей и зависимостей является типология.

Типология – методологический познавательный прием, заключающийся в мысленном расчленении идеального целого на части (типы, виды). В данном случае типология рассматривается как процесс познания юридических категорий. В отличие от классификации, в рамках которой исследователь оперирует эмпирическими (реальными) объектами, посредством типологии группируются идеальные объекты, т. е. их абстрактные признаки.

Включение юридической категории в ту или иную группу (тип, вид) означает распространение на нее признаков соответствующего типа. Таким образом, исследователь получает информацию о юридической категории не от специального опытного изучения данного явления или процесса, а от самой типологии. Она в сжатом, концентрированном виде содержит большие объемы информации, позволяет предсказать существование нового элемента, дать

характеристику его важнейших свойств, показать направление развития во времени. Использование типологии позволяет все существующие юридические категории (а также те, что будут сформулированы в будущем) дифференцировать на определенные группы (типы, виды) и на основе этого познать отличительные черты, связи конкретных юридических категорий, определить их взаимозависимости, переходы. Нужно также помнить, что любая проведенная типология юридических категорий является относительной, она упрощает, огрубляет, сглаживает особенности посредством выделения вида юридических категорий.

Вид юридических категорий – это совокупность общих, наиболее существенных черт данной группы, т. е. типологических признаков. Типологические признаки (основание типологии) – это особенности юридических категорий, на основе которых происходит деление на виды. Эти признаки могут объяснить максимальное число других признаков (содержательных, структурных, формальных и др.). В отличие от классификации, основанием которой могут выступить любые признаки, типологические признаки наиболее значимы, существенны для исследуемого объекта.

Что же может использоваться в качестве основания типологии юридических категорий? Какие типологические признаки?

В литературе ответы на эти вопросы сформулированы в основном применительно к понятиям, а не категориям.

Так, И.Я. Чупахин предлагает делить понятия на регистрирующие и нерегистрирующие. Регистрирующие – это понятия, в которых перечисляется или указывается помимо признака количественная определенность предметов (единичный предмет или их множество).

Нерегистрирующие понятия он еще называет открытыми или качественными – без количественной определенности. Они делятся на всеобщие (например, человек) и особенные, частные (например, русский)⁶⁶.

Г.Г. Габриэльян делит понятия на единичные, особенные (частные) и общие. Их различие чисто количественное, и градация последнего – один предмет, несколько, все предметы – образует основание этого деления⁶⁷.

С.Н. Виноградов выделял понятия общие и частные или родовые и видовые⁶⁸.

Г. Гегель делил понятия на всеобщие, особенные и единичные⁶⁹.

Очевидно, что не все приведенные классификации подходят для юридических категорий. Ведь последние – это особенные понятия. Тем более, не все признаки категорий подходят на роль основания для их типологии.

Одним из существенных типологических признаков юридических категорий, на наш взгляд, может быть рассмотрен объект отражения юридической категории. Безусловно, общим объектом для всех юридических категорий выступает государственно-правовая организация общества в широком смысле. Но разные явления и процессы государственно-правовой организации выступают объектами разных юридических наук, а следовательно, отражаются разными юридическими категориями, которые могут быть сгруппированы согласно общей для данной юридической науки группе социальных явлений и процессов.

Проведение типологии по этому основанию усложняется тем, что с точки зрения категориального метода для юридической науки характерно наличие таких общих категорий, в которых фиксируются главные стороны и важнейшие формы отображения сущности государства и права. Таким образом, правомерна постановка вопроса об использовании каждой отраслевой юридической наукой неких принципиальных для юриспруденции, основных правовых категорий независимо от группы отражаемых социальных процессов и явлений (в первую очередь в рамках теории государства и права).

Однако, как отмечает Л.П. Ануфриева, «оправдано также предположить, что для каждой системы и отрасли права может существовать и быть выделен свой комплекс ведущих право-

вых абстракций, выстраивающихся в особые ряды соответствующих понятий. Причем одни категории могут обладать большим значением, другие – меньшим в зависимости от природы, характера и особенностей обозначаемых данным понятием явлений, а также от самой специфики рассматриваемой области права»⁷⁰.

Кроме того, нужно иметь в виду, что в юриспруденции активно используются философские и общенаучные (межпредметные) категории, которые актуальны, в том числе и за пределами юридического знания. Ведь границы группы юридических категорий не являются непроницаемыми. Научные категории подвижны, в этом заключается диалектика их связей. Строго говоря, эти категории по своему объекту отражения являются юридическими только отчасти, поскольку сам объект отражения, наряду с юридическими свойствами, обладает и иными. Юридической категорией, а не исторической или, например, экономической она является благодаря особым признакам, исследуемым в рамках юридических наук. Именно благодаря этим признакам, отражающим юридические особенности государственно-правовой организации общества, философские и общенаучные (межпредметные) категории, содержащие такие признаки, могут быть условно включены в категориальный аппарат юриспруденции. Например, философская категория «форма» имеет огромное значение для всех юридических наук, однако нельзя сказать, что «форма» – это чисто юридическая категория. Являясь одновременно и частью философского, и элементом общенаучного категориального аппарата, в юриспруденции она обретает ряд особенных признаков, отражающих свойственные явлению или процессу специфические юридические черты (например, «форма права», или «форма договора»).

Таким образом, ориентируясь на объект отражения, формирующий объект той или иной юридической науки, все юридические категории могут быть подразделены на *общеюридические* и *отраслевые*.

Общеюридические категории межпредметны в границах юридического знания. Эти категории используются и в теории государства и права, и во всех отраслевых юридических науках, и т. д. Примером такой научной юридической категории может служить категория «право», или «правоотношение».

Основной объем общеюридических научных категорий разрабатывается теорией государства и права. Категории теории государства и права, будучи предельно общими в границах юриспруденции, выше (абстрактней) понятий других юридических наук не только по своему логическому уровню. Именно в правовых категориях теории государства и права зафиксирован общий итог научного познания объективных свойств государства и права как общественного явления.

«Знание общего определяет пути подхода к особенному и отдельному, к специфике частных процессов и явлений правовой материи. Поэтому изучение в рамках отраслевых юридических наук особенного и отдельного правовых явлений должно соотнобразовываться с представлениями о праве в целом, опираться на специфические законы и категории, вырабатываемые теорией права» – отмечал А.М. Васильев⁷¹.

Отраслевые категории ограничены объектом изучения отдельных юридических наук. К ним относятся, в первую очередь, отраслевые юридические науки. Отраслевые категории используются вместе с общеюридическими, формируя границы знания отдельной науки. Так, в процессуальных науках используется категория «истец», которую с точки зрения системы общеюридических категорий можно было бы заменить на категорию «субъект правоотношений».

Другим типологическим признаком юридических категорий может быть рассмотрено их содержание. Содержание категории может включать в себя признаки, отражающие свойства явления или процесса в целом, и показывающие качественную определенность этого явления или процесса. А может включать признаки, отражающие только отдельные свойства явления или его связи, отношения между явлениями или процессами.

В первом случае образуется группа *полных* юридических категорий. В ней юридические категории отражают явление в целом, включая все его существенные свойства. Примером такой категории может выступить «правонарушение».

Во втором случае образуется группа *неполных* юридических категорий, показывающих отдельное свойство явления, его связь с другими явлениями, например «дееспособность».

Типология юридических категорий может быть направлена на определение их места в системе категорий. В зависимости от наличия или отсутствия общности признаков юридических категорий, определяющей их место в системе, они могут быть разделены на *сравнимые* и *несравнимые*.

Сравнимыми называют категории, в содержании которых имеется хотя бы один общий признак. Многие категории являются сравнимыми. С точки зрения логики сравнимыми категориями, например, могут быть названы «государство» и «юридическое лицо», так как о них можно сказать, что и то и другое – это субъекты права. Это и будет их общий признак.

Несравнимыми называют категории, в содержании которых нет общих признаков. Примером несравнимых юридических категорий могут послужить «правосознание» и «материальный вред». Отражаемые этими категориями явления находятся в разных плоскостях и не пересекаются.

Сравнимые категории могут быть *совместимыми* или *несовместимыми*.

Категории называют совместимыми, если их объемы имеют хотя бы один общий элемент. Несовместимые – это категории, в объемах которых нет ни одного общего элемента.

Совместимые категории могут быть *равнозначными* (*тождественными*), *перекрещивающимися*, а также *подчиненными* и *подчиняющими*.

Равнозначные (тождественные) – это категории, объемы которых полностью совпадают. Рисунок «а» (А – «юридическое образование», В – «правовое образование»).

Перекрещивающиеся – это категории, объемы которых частично совпадают. Рисунок «б» (А – «президент», В – «донор»).

Подчиняющие и подчиненные категории. Объем подчиненной категории полностью входит в объем подчиняющей, не исчерпывая ее. Рисунок «в» (А – «социальная норма», В – «правовая норма»).

Несовместимые категории бывают *соподчиненными*, *противоположными* (*контрарными*) и *противоречивыми* (*контрадикторными*).

Соподчиненные – это категории, объемы которых различны и входят в объем общей для них категории, не исчерпывая его. Рисунок «а» (А – «нормативно-правовой акт», В – «судебный прецедент», С – «источник права»).

Противоположными (контрарными) категориями являются такие, которые соподчинены третьей категории и представляют собой крайние степени выраженности некоторого качества. Можно сказать, что их объемы занимают полярные места в объеме общей для них категории. Рисунок «б» – поведение (А – «правомерное поведение», В – «правонарушение», С – «злоупотребление правом», «объективно-противоправное поведение»).

Противоречивые (контрадикторные) категории подчиняются общей для них категории, и при этом в общей категории не существует такого элемента, который не был бы элементом одной из этих категорий. Их объемы делят объем общей для них категории на две части. Рисунок «в» – формы вины (А – «умысел», В – «неосторожность»).

Особое место в системе юридических категорий занимают одиночные и парные категории. Основанием для проведения типологии здесь является наличие или отсутствие особой связи между явлениями или процессами, которые отражаются этими категориями. Об особенностях парных категорий речь пойдет ниже, поскольку их свойства – это, в первую очередь, результат наличия системных связей между явлениями и процессами (и, следовательно, сначала должна быть описана общая система юридических категорий). Пока лишь отметим, что

парные категории отражают явление или процесс, обусловленный другим явлением или процессом. Одиночные категории такую связь между явлениями и процессами не отражают.

В целом любая юридическая категория может быть отнесена одновременно к нескольким группам, в зависимости от наличия или отсутствия одного или нескольких типологических признаков. Однако, различие юридических категорий по формально логическим признакам не исчерпывающее. С позиций диалектической логики, которая воспроизводит процесс познания во всей его всесторонности, оно, естественно, требует развития. Для диалектического мышления научные категории не являются застывшими, а постоянно изменяются, развиваются и обогащаются в процессе познания.

Определенность понятий – лишь момент, фиксирующий соответствующую ступень познания предмета⁷².

Поэтому вопросы образования, развития, взаимосвязи и переходов научных категорий решаются, прежде всего, с позиций того, насколько адекватно ими отражаются сущность и связи реальных процессов и явлений, которые они описывают. Юридические категории взаимосвязаны, взаимозависимы, подвижны, при соответствующих условиях переходят друг в друга и в свою противоположность, иначе говоря, образуют систему. Только в системе они могут адекватно описывать окружающую социальную действительность.

§ 4. Система юридических категорий. Парные категории

Идеи системности предметов и явлений формировались постепенно на протяжении длительного времени. Применение системного подхода в исследованиях общественных явлений началось относительно недавно – во второй половине XIX века. В изучении общества до этого времени процесс познания сложносоставного явления мыслился как простое суммирование знаний о частях. С появлением работ К. Маркса по исследованию такого сложного и развивающегося объекта, как общество, утверждение системных представлений изменило ход исследований от целого к частям.

В XX столетии с началом широкого применения идей системного подхода разрабатывались концепции системности (тектология А.А. Богданова, общая теория систем Л. Бергаланфи)⁷³. Так, Л. Бергаланфи обращал особое внимание на системный анализ предметов и явлений, исследовал понятие системы: «Вначале это понятие выступало преимущественно как абстрактная и дерзкая теоретическая идея. Теперь же системотехника, системное исследование, системный анализ и им подобные категории стали рабочими терминами»⁷⁴.

Осознание универсального характера, диалектической природы категории системы привело к необходимости применения системного метода к познанию явлений и процессов государственно-правовой организации общества. Основоположником использования этого метода применительно к праву считается А.Б. Венгеров, который еще в 1986 году писал о возможности использования системного подхода применительно к правовым явлениям⁷⁵.

В настоящее время системный подход признается универсальным методом и широко используется в теоретико-прикладных исследованиях государства и права.

Наиболее общее определение системы как упорядоченного множества взаимосвязанных элементов, обладающее структурой и организацией, дается философией⁷⁶.

В этой связи любой объект, в том числе и государственно-правовая организация общества, является системой, если он может быть разделен на взаимосвязанные и взаимодействующие элементы. Такие элементы обычно могут быть представлены как подсистемы, поскольку обладают собственной структурой. При этом выделенные подсистемы могут быть разбиты на взаимосвязанные подсистемы последующих уровней. Так, например, соотносятся правовая система и система права, являющаяся ее частью. В свою очередь система права может быть подразделена на отрасли и институты.

Суть системных связей между элементами целого такова, что нельзя понять части, не опираясь на знание о целом. Ведь и сам системный объект, и все связи между его элементами (как внутренние, так и внешние) подчинены особенным для данного объекта законам. В качестве законов здесь понимаются устойчивые способы связи элементов того или иного сложного целого.

Современные исследователи подчеркивают обособленность, внутренний характер таких способов (законов) применительно к государству и праву: «В государственно-правовой сфере мы постоянно сталкиваемся с совокупностями, носящими системный характер и включающими в себя целый ряд достаточно самостоятельных компонентов (подсистем), развивающихся в т. ч. и по своим собственным внутренним законам»⁷⁷.

Однако практически не обращается внимание на то обстоятельство, что помимо собственных законов связи элементов системным объектам принадлежат еще и общие универсальные законы. Они обусловлены диалектической природой таких связей, присущи любому системному объекту, в том числе государству и праву.

Исследование этих законов применительно к системе юридических категорий позволяет сформировать целостное знание о государственно-правовой действительности, понять процессы развития отражаемых юридическими категориями явлений, прогнозировать их движение. Научная значимость юридических категорий зависит не только от того, насколько верно той или иной категорией отражены момент, сторона, свойство или проявление государственно-правовой организации общества. Изолированные друг от друга юридические категории менее информативны. Только вместе, будучи объединены в систему, они дают нам возможность представить себе реальную картину правовой действительности, раскрыть ее существенные свойства, выявить особенности государства и права по сравнению с другими общественными явлениями.

Познание государства и права эволюционирует от изучения их отдельных сторон и связанных с ними проявлений к познанию их как целого, как совокупности свойств и проявлений. Это и воспроизводится сознанием как отношения и взаимосвязи юридических категорий. Государственно-правовая действительность сама есть система взаимосвязанных и закономерно развивающихся явлений и процессов. Выразить систему внутренних связей государства и права, его природу возможно лишь в системе правовых знаний. Поэтому юридические категории должны рассматриваться в системе, с учетом их взаимосвязей.

А.М. Васильев отмечал: *«Сети явлений окружающей действительности соответствует в сознании понятийная сеть представлений человека об этой действительности, а узловые пункты в сети явлений объективного мира отражаются (выделяются) в узловых, наиболее общих, глубоких, абстрактных компонентах понятийной сети – категориях»*⁷⁸.

Именно система юридических категорий описывает отношения, взаимосвязи и переходы между явлениями и процессами социальной среды. Система эта гибкая, подвижная и разветвленная. Гибкость юридических категорий позволяет выразить переходы разных сторон государства и права.

Однако это не означает, что юридические категории не стабильны. Наоборот, стабильность, продолжительность существования, повсеместное использование в науке – это их существенные черты. И зависит их стабильность, в первую очередь, от того, насколько объективно категории отражают свой объект, насколько точно учитывают его существенные свойства и взаимосвязи.

Изменение или формирование новых юридических категорий – это сложный и растянутый во времени процесс. Изменения в составе правовых категорий, формирование новых категорий могут иметь место тогда, когда они, во-первых, отражают новые общие процессы, отношения и закономерности, возникающие в государственно-правовой действительности, во-вторых, обоснованы, доказаны и проверены опытом, в-третьих, по своим качественным осо-

бенностям и уровню обобщения могут быть включены в категориальную систему юридической науки.

При этом знание об окружающей нас государственно-правовой действительности, выраженное в системе юридических категорий, развивается по спирали, циклично. Алгоритм теоретического познания представляет собой движение мышления от реальной правовой действительности к выражению ее в определенной системе правовых категорий (теоретического осмысления), а от нее на новой основе обратно к реальности. В ходе познания число таких повторений безгранично. Мышление движется по спирали, и каждый новый ее виток – не простое возвращение к категориям, а формирование нового знания, развитие и углубление уже существующего на основе полученного опыта и, что самое главное, выявление устойчивых, объективных, повторяющихся связей между ними, т. е. познание системы юридических категорий.

Так каковы же критерии построения системы юридических категорий? Ученые в поисках ответа на этот вопрос высказывали разные суждения.

О.А. Красавчиков связывал систему юридических категорий с системой права: «Познание системы права как объективно складывающейся дифференциации правового регулирования не означает, конечно, теоретического формирования данной системы. Система права, как и его содержание, не определяется правовой наукой. Последняя может идти вперед или отставать от развития законодательства и практики его применения, но в процессе познавательной деятельности создать систему права ей не дано.

Отраслевая юридическая наука представляет собой идеологическое отражение соответствующей отрасли права и иных элементов ее предмета. Нельзя ставить содержание явления, отражаемого наукой (содержание отрасли), в зависимость от содержания теоретического отражения; первое определяет существо и содержание соответствующих знаний относительно этих явлений в умах людей, но не наоборот. Указанные знания могут более или менее полными, более или менее адекватно отражать соответствующие явления, но это уже гносеологическая сторона рассматриваемого вопроса. Система и содержание отрасли права определяются не системой науки, а иными факторами.

Во-первых, содержание, система и метод правового регулирования определяются предметом регулирования.

Во-вторых, содержание правового регулирования во многом зависит от тех задач, которые разрешает советское государство в тот или другой период времени.

По изложенным соображениям, говоря об основах, определяющих систему права или его отдельных отраслей, нельзя упускать из поля зрения ни объективного ни субъективного факторов, влияющих на эту систему. В противном случае недолго оказаться на неправильных позициях в истолковании системы права, когда последняя будет истолковываться как явление, определяющееся исключительно предметом правового регулирования, вне зависимости от целей и задач государства и интересов политически господствующего класса, воля которого находит свое выражение в праве, либо, наоборот, в отрыве от предмета правового регулирования системы права будет пониматься как явление чисто случайное, зависящее только от усмотрения законодателя»⁷⁹.

Таким образом, в качестве критериев построения системы юридических категорий используются системные связи самого отражаемого объекта – права. При этом системные связи государства автором вообще не рассматриваются.

Л.П. Ануфриева делает акцент на субъективном факторе определения критериев построения системы юридических категорий, а именно на целях, поставленных при формировании системы (в качестве отражаемого объекта также рассматривается только система норм, вне связей и переходов государства): «Существующие в рамках общей теории права, равно как и в рамках специальных направлений теории правовые абстракции неизбежно должны принять

форму системы понятий, представляемых соответственно в организованной последовательности.

В зависимости от качественной, структурной или функциональной заданности целей, поставленных при определении критериев, которые должны быть положены в основу формирования такой системы из индивидуальных конструкций, могут быть построены различные ряды основных понятий, которыми оперирует правовая наука.

В наибольшей степени свойствами служить исходными, основными понятиями для права являются системообразующие правовые категории.

Следовательно, одним из основных понятийных рядов в категориальном аппарате любой науки права является ряд абстракций, определяющих существование или отрицание существования совокупности правовых норм, претендующих на системную совокупность, т. е. целостность и способность к внутренней организованности»⁸⁰.

Некоторыми учеными в качестве критерия построения категориальной системы предлагается использовать метод восхождения от абстрактного к конкретному⁸¹.

По мнению В.В. Ныркова: «Основная задача указанного способа заключается в преодолении недостатков абстрактного мышления, которые неизбежно возникают при конструировании научных понятий на начальной стадии; он является методом, прямо противоположным (это видно уже из самого названия) методу восхождения от конкретного к абстрактному. Если на первоначальном этапе образования правовых абстракций наблюдается расчленение исходного единого представления о праве как о хаотическом, непознанном целом (в данном случае «конкретное» понимается как цельный образ еще неосмысленного объекта изучения), на составные отдельные части, то на последующей стадии, наоборот, мышление стремится воссоздать утраченные связи и целостность права, но представив при этом его как уже теоретически познанную сущность, выраженную в органической системе понятий (в данном случае «конкретное» есть синтезированная целостная система правовых абстракций, познанная сущность объекта). Таким образом, мышление движется сначала от цельного опытного представления к отдельным «неполным», «односторонним» научным понятиям, а затем пускается в обратный путь – от несвязанных, разорванных абстракций к созданию органического единства и установлению взаимосвязей между понятиями»⁸².

Нам же представляется, что в качестве критериев построения системы юридических категорий должны рассматриваться сами устойчивые, объективные, повторяющиеся связи (законы) как между явлениями объективно существующей государственно-правовой действительности, так и между категориями, отражающими эту действительность.

Сферу действия определенного закона можно установить лишь посредством нескольких категорий, и в то же время каждая категория отражает не один, а ряд закономерных процессов. Чем выше степень обобщения и абстрагирования, тем шире круг закономерностей, которые та или иная правовая категория охватывает своим содержанием, тем глубже ее проникновение в существо государственно-правовой действительности.

Разработка проблемы юридических категорий есть в то же время подход к изучению законов государственно-правовой материи, которые призвана установить и зафиксировать юридическая наука. Они соотносятся как отражаемое и отражающее. Связи между категориями являются отражением реальных закономерных процессов и связей, существующих между явлениями и отношениями государственно-правовой действительности, мысленным аналогом которых эти категории служат.

При изучении специфических законов государства и права, условий их действия главная задача юридической науки состоит в том, чтобы они получили объективное и адекватное отражение в ней. Это достигается в ходе познания самой правовой материи. Истинность наших представлений о закономерном и необходимом в государстве и праве непосредственно соот-

носятся с самим государством и правом как объектом познания, выверяется путем сопоставления, сравнения имеющихся представлений с добытыми о нем объективными данными.

Специфические законы юридической науки выводятся на основе осмысления и обобщения того эмпирического, практического и научного материала, с которым имеет дело юриспруденция.

В общетеоретическом аспекте вопрос о специфических государственно-правовых закономерностях наиболее тщательно исследовался П.М. Рабиновичем. Он характеризовал государственно-правовые закономерности как связи, непосредственно управляющие возникновением и структурой, функционированием и развитием государственно-правовых явлений⁸³.

А.М. Васильев пытался разграничить законы и закономерности: «Юристы пишут о закономерностях, но не стремятся дать формулу закона, который выражает их. ...Обнаружение закономерного предшествует установлению закона. Закон науки формулируется на основе познанной закономерности, ибо развиваться закономерно – значит развиваться по определенному объективному закону. ...Важны формулы и определения специфических законов правовой науки. Знание специфических законов правовой действительности дает возможность добиваться оптимальных результатов использования правовой формы...»

Различия в характере и сфере действия правовых закономерностей, например, законов структуры, развития, функционирования права, являются основанием группировки правовых категорий, которыми эти закономерности фиксируются»⁸⁴.

Однако в итоге согласился с тем, что и закон, и закономерность – однопорядковые явления: «В принципе, конечно, закон и закономерность – однопорядковые явления и выражают устойчивое, необходимое и существенное»⁸⁵.

На наш взгляд, задача исследователя системы юридических категорий состоит в том, чтобы, во-первых, установить такие связи (законы) юридических категорий, которые с научной точностью воспроизводили бы реальное существо правовой материи, а во-вторых, выделить характер (виды) таких связей, сгруппировать их, чтобы показать все многообразие взаимопереходов юридических категорий, описать их систему.

Проблемы системных связей юридических категорий отчасти исследовали советские правоведы (А.М. Васильев, Е.Б. Пашуканис, П.Е. Недбайло, С. С. Алексеев, М.Ф. Орзих, Г.С. Остроумов, Л.И. Спиридонов, Ю.А. Денисов)⁸⁶.

При построении категориальной системы указанные авторы преимущественно используют следующий алгоритм: во-первых, поиск и обоснование базовой (простейшей) категории, а во-вторых, развертывание на основе базовой категории связей и взаимодействий, описывающих все право в целом.

М.Ф. Орзих: «Построение системы категорий основывается на определенных исходных понятиях, являющихся наиболее элементарными и одновременно наиболее всеобщими. Развертывание правовых категорий имеет смысл начать с категории правотворчества, затем перейти к категориям, выражающим сущность и содержание права. Далее к категориям, фиксирующим структуру системы права, а в итоге раскрыть категорию механизма правового регулирования»⁸⁷.

Г.С. Остроумов: «Применительно к правосознанию можно сделать вывод о том, что простейшей и в этом смысле основной элементарной его категорией является категория юридического права (правомочия), которому соответствует юридическая обязанность, или, иначе говоря, категория простейшего правового отношения.

В самом деле из этой простейшей правовой категории, как из зародыша, могут быть развиты все более сложные категории: право в объективном и субъективном смысле, правопорядок, законность и такие понятия, как правомерное и неправомерное, законное и противозаконное, юридическое и неюридическое»⁸⁸.

В.А. Образцов, описывая систему категорий криминалистики, выделил в ней три уровня: «Первый, наиболее общий уровень... представлен категориями, которые имеют общенаучное значение, отражают явления, процессы, предметы, значимые для всех разделов, отраслей, направлений криминалистики, формируют общую характеристику феномена, определяемого как предмет этой науки. К числу таких категорий относятся, например, понятия следа преступления, следа преступника, механизма следообразования...

Второй уровень (уровень особенного) образуют категории отраслевого характера (криминалистическая техника, криминалистическая тактика, криминалистическая методика...

Категории третьего уровня (уровня отдельного)... служат понятия, отражающие объекты, изучаемые и создаваемые в рамках отдельных подразделов и направлений упомянутых отраслей криминалистики: криминалистическая баллистика, криминалистическая трасология, тактическая операция, тактический прием...»⁸⁹.

А.М. Васильев при разработке метода построения системы юридических категорий ссылался на общеметодологическое значение работ материалистов (в первую очередь К. Маркса) и предлагал исходить из следующих посылов:

«Во-первых, необходимо выделить такую основную, фундаментальную правовую категорию, без которой не могут быть осмыслены все другие юридические понятия, существующие как отражение форм бытия и условия развития правовой формы.

Во-вторых, данная категория должна представлять собой как исходный пункт, так и конечный результат, выражаемый теорией права в целом. Исходный пункт – первоначальное абстрактное определение данной категории, а конечный результат – ее конкретное понятийное развертывание через всю совокупность определений юридических категорий.

В-третьих, основным принципом систематизированного изложения правовой теории является принцип восхождения от абстрактного к конкретному. На его основе вырабатывается общая модель логической структуры теории права.

В-четвертых, категориальная система теории права должна представлять собой логическое выражение объективной диалектики правовой формы развитого социалистического общества, являющегося наиболее высокой, передовой и многогранной социальной организацией в условиях существования классов»⁹⁰.

Как видно из приведенных суждений, авторами при постановке вопроса о системе юридических категорий рассматриваются, во-первых, только связи права (вне государства), а во-вторых, только два вида связей: связь общеюридических и отраслевых категорий и структурная связь категорий внутри базовой (основной).

Такое видение системы юридических категорий, на наш взгляд, не раскрывает всего многообразия связей и взаимопереходов явлений и процессов государственно-правовой действительности, а потому недостаточно. Связи между юридическими категориями куда более разносторонние, чем между общеюридическими и отраслевыми или структурные связи категорий внутри базовой (основной). Но даже в рамках предложенных суждений не со всеми из выводов мы можем согласиться.

Почему система юридических категорий должна отражать диалектику правовой формы только социалистического общества? Очевидно, что юридическая наука универсальна и описывает любые проявления государственно-правовой организации общества. А следовательно, в системе категорий должна описывать диалектику развития любого общества.

Что касается выделения основной, фундаментальной юридической категории, без которой не могут быть осмыслены все другие юридические понятия, то в целом такой подход, на наш взгляд, представляет научный интерес, особенно с точки зрения описания структурных связей между юридическими категориями. Хотя, справедливости ради, нужно отметить, что идея в качестве метода построения системы категорий выделять какую-то базовую, основную, не бесспорна. Любая предложенная категория будет носить мировоззренческий характер (что

и подтверждается плюрализмом высказанных по этому поводу мнений), поскольку выделена в рамках определенной мировоззренческой системы, не говоря уже о предпочтениях конкретных авторов. Сейчас в юридической науке присутствует не только множество определений права, но и выделяются разные сущности права. Значит, со временем базовая категория может меняться.

В рамках предложенного метода основным вопросом остается вопрос о том, какую категорию брать за основу. Сам А.М. Васильев в качестве базовой выделяет категорию «государственная воля господствующего класса». Это, по его мнению, логично следует из определения права как государственной воли господствующего класса.

Данная базовая категория предложена в рамках материалистической мировоззренческой системы, обусловлена классовым подходом к пониманию государства и права. Актуальность выделения данной юридической категории в рамках обозначенного классового подхода не вызывает сомнения (работа А.М. Васильева была написана в 1976 году). Но сегодня, с признанием научной ценности, обоснованности иных подходов к пониманию государства и права, их сущности, социальной миссии, могут быть изменены и представления о базовой юридической категории, опосредующей диалектику развития государства и права.

На указанное обстоятельство уже обращалось внимание в современной юридической литературе. Так, Л.П. Ануфриева отмечает невозможность использования в международном праве понятия государства, основанного на категории «государственная воля господствующего класса»: «При изучении основных понятий международного публичного права и международного частного права весьма не редки ситуации, когда выясняется, что некоторые понятия, разработанные общей теорией государства и права, не обладают той всеобъемлющей общностью, чтобы быть применимыми к ним так же, как это происходит в отраслях системы национального права.

Конструкция права как системы социальных регуляторов, поддерживаемой в национальной сфере с помощью властных функций государства, не может быть приспособлена к международно-правовой действительности, поскольку государства хотя и выступают носителями суверенной власти, по отношению друг к другу или иным субъектам международного права являются равными, не подчиняющимися, независимыми и пользующимися создаваемыми ими самими правовыми предписаниями... Указанное содержание понятия права влечет за собой невозможность его использования в международном праве, поскольку в международно-правовых нормах сконцентрировано выражение не преобладающей, а согласованной воли двух или более субъектов международного права»⁹¹.

Кроме того, позиция А.М. Васильева критиковалась и за неточное следование методу восхождения от абстрактного к конкретному. В.В. Нырков отмечает: «Следует согласиться с мнением В.М. Сырых, Л.И. Спиридонова и Ю.А. Денисова о том, что у А.М. Васильева логическая структура теории представляет собой дедуктивное «развертывание» категории «сущность права» в понятиях менее общего плана»⁹². Следовательно, нельзя признавать сконструированную таким путем систему категорий в качестве органической, построенной с соблюдением всех требований метода восхождения от абстрактного к конкретному. В этом случае нарушен принцип определения исходного начала «восхождения» – требование исходить из простейшего, неразложимого отношения»⁹³.

Категория «государственная воля господствующего класса» действительно не может использоваться в качестве универсальной основы построения системы категорий юриспруденции, особенно для характеристики ее структурных связей, поскольку недостаточно полно, на наш взгляд, обобщает все структурные элементы государственно-правовой действительности.

Однако нельзя не признать логичность и обоснованность утверждения А.М. Васильева о том, что базовая категория должна представлять собой «как исходный пункт, так и конеч-

ный результат, выражаемый теорией права в целом». Ведь познание происходит именно от абстрактного к конкретному, а уже затем от конкретного к абстрактному, но никак не наоборот. Нельзя, на наш взгляд, в поиске «первоклеточек» права (простейших понятий, связей, взаимодействий) забывать об исходной абстракции. Начальный пункт – это абстракция, отражающая весь объект, подлежащий исследованию, а конечный результат – «ее конкретное понятийное развертывание через всю совокупность определений юридических категорий»⁹⁴. Значит, и развертывание системы юридических категорий следует начинать не с простейших связей и взаимодействий, а с исходной абстракции – с категории, отражающей весь объект исследования.

Полагаем, что избежать «мировоззренческих кренов» в выборе исходной системообразующей юридической категории, позволит подход, в рамках которого должна быть выбрана научная категория, максимально полно и обобщенно фиксирующая бытие не только права, но и государства, их связи и взаимодействие с иными явлениями, их внутренние противоречия и переходы. Такая юридическая категория должна включать в свой объем объемы иных категорий и понятий, раскрывающих ее содержание. Более предпочтительно, на наш взгляд, использовать в качестве фундаментальной и обобщающей категорию «государственно-правовая организация общества» или «государственно-правовая система». Эти научные категории максимальны для государства и права, отражают их бытие. В то же время они фиксируют внутреннее и внешние связи и взаимодействия государства, права и иных явлений окружающей нас действительности.

При этом механизм (алгоритм) развертывания системы юридических категорий, т. е. выявления связей между ними, представляется нам так: за исходной категорией следуют основные правовые категории, которые в той или иной степени подходят к любому государству и праву, ко всем этапам их развития. Далее располагаются связанные с основным те категории, которые раскрывают их структуру, функции, форму, генезис и т. д. Наконец, отражаются и менее общие подсистемы правовых понятий.

Критической оценке, на наш взгляд, должен быть подвергнут подход Г.С. Остроумова, предложившего за исходный элемент системы взять не максимальную, а минимальную по объему категорию – «простейшего правового отношения»⁹⁵

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.